

Международное
Общественное Движение

**Общественный
Контроль Правопорядка**

Официальный сайт в интернете:
<http://rus100.com/>
email: odokprus.mso@gmail.com

Исх № 1059.1 от 20.06.2018

В Конституционный Суд Российской Федерации

Адрес: 190000 г Санкт-Петербург,
Сенатская пл., д 1

Заявитель :

Заведомо ложно обвиняемый

Бохонов А В, **умышленно незаконно**
содержащийся в СИЗО № 11 г. Ногинска, адрес :
г. Ногинск, ул. 1-я Ревсобраний
Электронный адрес: sizo-11@50.fsin.su

Представители и защитники по Закону

МОД «ОКП»

в лице

1. председателя Ивановой Ирины Александровны, адрес : FRANCE: 6, place du CLAUZEL app 3, 43000 Le Puy en Velay,
E-mail: odokprus.mso@gmail.com
тел. + 33 4 71 09 61 77

представителей-защитников

2. Зяблицева Сергея Владимировича,
правозащитника, без определенного места
жительства во Франции
E-mail: bormentalsv@yandex.ru
+33 695 995 329

3. Усманова Рафаэля Раисовича,
правозащитника, без определенного места
жительства в Литве
E-mail: usmanov.rafael.2015@mail.ru
тел. + 370 67784 323

Органы, издавшие обжалуемые акты :

Государственная Дума Федерального
Собрания Российской Федерации
103265, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1.

Совет Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации
103426, г. Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 26

Президент Российской Федерации
Москва, Кремль.

Обжалуемые нормативные акты :

Уголовно-процессуальный кодекс РФ,
Закон № 174-ФЗ

принят ГД 22.11.2001 г., одобрен СФ 05.12.2001 г. и подписан Путиным В.В. 18.12.2001 г., Москва, Кремль.

Федеральный закон № 317-ФЗ принят ГД 15.11.2013 г., одобрен СФ 20.11.2013 г., подписан Путиным В.В. 25.11.2013 г. там же.

Федеральные законы № 174-ФЗ, 317-ФЗ опубликованы в «Российской газете» 22.12.2001 г. № 2861 г.; 27.11.2013 г. № 267 соответственно.

Уголовный кодекс РФ,

Федеральный закон № 63-ФЗ принят ГД 24.05.1996 г., одобрен СФ 05.06.1996 г. и подписан Ельциным Б.Н. 13.06.1996 г., Москва, Кремль.

Федеральный закон № 25-ФЗ принят ГД 21.02.2001 г., одобрен СФ 22.02.2001 г., подписан Путиным В.В. 09.03.2001 там же,

Федеральный закон № 420-ФЗ принят ГД 17.11.2011 г., одобрен СФ 29.11.2011 г., подписан Медведевым Д.А. 07.12.2011 там же,

Федеральный закон № 432-ФЗ принят ГД 20.12.2013 г., одобрен СФ 25.12.2013 г., подписан Путиным В.В. 28.12.2013 там же.

Федеральные законы № 63-ФЗ, № 25-ФЗ, № 420-ФЗ, № 432-ФЗ опубликованы в «РГ» – 08.06.2010 г. № 5202, 14.03.2001 № 52, 09.12.2011 г. № 278, 30.12.13 г. № 295 соответственно.

Жалоба на нарушение фундаментальных и конституционных прав и свобод.

1. Факты

1.1 28.09.2016 Щелковским СО ГСУ СК по Московской области в отношении члена Международного Общественного Движения «Общественный Контроль Правопорядка» (МОД «ОКП») Бохонова А.В. с нарушением **всех** его прав посредством фальсификации доказательств (ч. 3 ст. 210, ч. 1 ст. 299, ч. 3 ст. 303 УК РФ) было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 318 УК РФ.

1.2 08.04.2017 Бохонов А.В. откровенно преступными способами с нарушением всех подлежащих применению норм действующего законодательства был помещен под

стражу по очередным сфальсифицированным доказательствам. Содержание под стражей незаконно и необоснованно при пособничестве соответствующих прокуроров и навязанных с нарушением ч. 2 ст. 16 УПК РФ адвокатов, то есть посредством Произвола, продлевалось судами, помогавшими фальсифицировать обвинение при грубом нарушении права Бохонова А.В. на защиту.

1.3 В сентябре 2017 г. обвинительное заключение утвердил заместитель прокурора Московской областной прокуратуры Шаповалов А.В. и незаконно направил уголовное дело в Щелковский горсуд, которому оно неподсудно, поскольку все судьи этого суда подлежали безусловному отводу по основаниям личной и прямой заинтересованности в исходе дела, некомпетентности и отсутствии объективной беспристрастности, что **доказывают все** вынесенные в отношении Бохонова А.В. решения, в которых цинично нарушен принцип состязательности и равноправия сторон и не дана оценка **ни одному** доказательству на предмет относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

1.4 26.09.2017 Ногинский горсуд по ходатайству Московской областной прокуратуры откровенно преступными способами продлил срок содержания под стражей на 1 месяц.

К 30.09.2017 Бохонов А.В. **отбыл под стражей 6 месяцев**, что соответствует максимальному сроку наказания в виде АРЕСТА, предусмотренному ч. 1 ст. 318 УК РФ и **с учетом возможного наказания, должна** была начаться процедура условно-досрочного освобождения.

1.5 Сторона защиты потребовала освободить Бохонова А.В. в связи с **фактически** отбытым сроком наказания в виде АРЕСТА в СИЗО и ИВС, причем в условиях, гораздо худших, чем арест как вид наказания.

Однако, судами, прокуратурами, следственными органами и навязанными с нарушением ч. 2 ст. 16 УПК РФ адвокатами в этом требовании **незаконно было отказано**. Они обосновывали свои отказы тем, что ч. 1 ст. 318 УК РФ предусматривает **также** иной вид наказания: лишение свободы до 5 лет, хотя даже этот «иной вид наказания» имеет свои **специфические особенности**, которые **имели существенное значение для дела и должны** были учитываться при лишении Бохонова А.В. свободы и личной неприкосновенности, поскольку общее понятие «лишение свободы на определенный срок» (п. «л» с. 44 УК РФ) являлось **непропорциональным** фактическому положению Бохонова А.В. (реальному правозащитнику, ранее не судимому, не употребляющему алкоголь и какие-либо стимулирующие препараты, не курящему, ведущему общественно полезную деятельность, имеющему на иждивении несовершеннолетнего ребенка и т.п.) и инкриминируемому ему уголовно наказуемому деянию, которое **опровергалось основными** доказательствами по делу: видеозаписями подлежащих установлению обстоятельств. Между тем, злоупотребляя правом, посредством предоставления неполной и, следовательно, вводящей в заблуждение информации, правоприменители ничего не говорят об условиях содержания в тех видах наказания, которые **они имели ввиду**, хотя даже лишение и ограничение свободы имеют совершенно разные **условия содержания** (ч. 1 ст. 56 УК РФ), **которые и должны определять соответствующий** вид наказания. То есть, скрывая **ключевую** информацию об условиях содержания, правоприменители обеспечили себе возможность подвергать Бохонова А.В. и его защиту бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, что им **запрещено** ст.ст. 5, 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее Пакт), ст.ст. 3, 17 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция), ч. 3 ст. 17, ст. 21 Конституции РФ.

1.6 29.03.2018 судья Щелковского горсуда Бибикина О.Е. при пособничестве сотрудника прокуратуры Московской области Шубенкова П.А., с которым ранее совершала множественные преступления и который ранее был подчиненным **свидетеля** Рокитянского С.Г. (п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК РФ), возглавляющего прокуратуру г. Щелково и осуществлявшего основной «надзор» за фальсифицируемым уголовным делом, а также очередного адвоката Дементьевой Еленой Павловной, навязанной Бохонову А.В. с нарушением ч. 2 ст. 16 УПК РФ, в нарушение всех прав Бохонова А.В. и **без учета**

условий содержания, имеющих ключевое значение, вынесли заведомо неправосудный приговор, которым заведомо незаконно и необоснованно признали Бохонова А.В. виновным и назначили ему наказание в виде лишения свободы в **колонии-поселении** сроком в 1,5 года с зачетом отбытого под стражей срока, то есть ареста, на основании ст. 72 УК РФ. Логика того, что Бохонова А.В. можно лишить свободы на срок до пяти лет была озвучена **задолго до вынесения приговора** судьями Мособлсуда, сотрудниками прокуратуры Московской области, судьёй Бибиковой при продлении срока содержания под стражей на предварительном слушании и навязываемыми с нарушением ч. 2 ст. 16 УПК РФ адвокатами, что **доказывает прямую заинтересованность** этих органов и их руководства в исходе дела.

Несмотря на важность «соблюдения правил, **регламентирующих процедуру обжалования** (...), но при этом, как вышеуказанные **правила, так их применение, не должны являться для стороны по делу препятствием для использования имеющихся способов обжалования** (...) (§ 57 **Постановления от 24.05.2007 г. по делу «да Лус Домингеш Феррейра против Бельгии»**)... во время вручения заявителю копии постановления суда ... **заявитель не был проинформирован о соблюдении необходимых формальностей для подачи протеста**... При этом государством-ответчиком не было установлено, что на момент совершения данных процессуальных действий вручение решения ... сопровождалось передачей вышеуказанному лицу документов, которые позволили бы подсудимому подать жалобу с соблюдением формальных требований и процессуальных сроков (§ 58 там же)... по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (§ 59 там же).

- 1.7 Так как при решении вопроса о вынесении приговора и установлении **характера, продолжительности и способа исполнения наказания, которые не могли наносить ощутимый вред** (§ 126 **Постановления от 09.10.03 г. по делу «Эзе и Коннорс против Соединенного Королевства»**), **судья должен быть основным гарантом справедливости и на него возложена обязанность разъяснять и обеспечивать права Жертв** (§§ 44, 46 **Постановления от 13.03.12 г. по делу «Нефедов против РФ**), поэтому Бохонову А.В. **должно** было быть разъяснено и обеспечено его право на условно-досрочное освобождение с учетом требований права на эффективные средства правовой защиты, защищаемые ст. 45 Конституции РФ, ч.ч. 1, 2, п. «а» ч. 3, ч. 4 ст. 79 УК РФ. Однако ни судья Бибикова О.Е., ни её **давний подельник** прокурор Шубенков П.А., ни навязанный посредством Произвола адвокат Дементьева Е.П. Бохонову А.В. его право не разъяснили и не приняли никаких мер для осуществления его права, хотя Дементьева Е.П. самостоятельно **обязана** была подать заявление об условно-досрочном освобождении Бохонова А.В. и **проконсультировать** его о **его праве**.

15.04.2018 г. в Ногинский горсуд Московской области по вопросу условно-досрочного освобождения Бохонова А.В. обратились его защитники Иванова И.А., Зяблицев С.В., Усманов Р.Р. и Ахметова С.В. Паралогически толкуя подлежащие применению нормы действующего законодательства, судья Ногинского горсуда Кислякова Е.С. 19.04.2018 г. вынесла заведомо неправосудное постановление (ч. 3 ст. 210, ч. 2 ст. 305 УК РФ) об отказе в приеме ходатайства об условно-досрочном освобождении Бохонова А.В. По её мнению, вопрос об УДО может решаться только **после вступления** приговора в законную силу. Однако она не учла главного обстоятельства: поскольку Московский областной суд возглавляет лицо с криминальными наклонностями Волошин В.М., а прокуратуру Московской области возглавляет Захаров А.Ю. и они **уничтожили** законность на территории Московской области, поэтому апелляционное обжалование может быть **бесконечно долгим**. Мало того, поскольку Мособлсуду и Мособлпрокуратуре неоднократно заявлялся отвод, поэтому указание на то, что постановление может быть обжаловано в Мособлсуд, то есть абсолютно криминальный орган – является бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, по факту чего должна быть назначена проверка (п. «b» Принципа 3, Принципов 4, 8, 9 Основных принципов и руководящих положений, касающихся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьёзных нарушений международного гуманитарного права, принятых ООН 25.07.05 г.). Так как Ногинский горсуд при пособничестве Мособлсуда ранее совершал преступления в отношении стороны защиты, поэтому ему также был

заявлен отвод, однако, как и в Мособлсуде, в Ногинском горсуде, как и в Щелковском горсуде, отводы **не рассматривают и решений по ним не выносят**. В отсутствие конкретного и прямого ответа на важный аргумент заявителя невозможно установить, просто ли эти суды проигнорировали этот аргумент «или они намеревались отклонить его, и если это было их намерением, то каковы были их причины для принятия такого решения (...)» (§ 30 **Постановления от 20.09.16 г. по делу «Ничифор против Украины»**). Вышеуказанные выводы могут быть достаточным основанием ..., чтобы найти нарушение статьи 6 Конвенции...» (§ 31 там же).

Несмотря на то, что «Не может быть и речи о том, что заявитель отказался от своего права ... если она не была проинформирована об этом (...)» (§ 62 **Постановления от 05.10.17 г. «Kalēja против Латвии»**) и «**основной** предпосылкой отказа от права является то, что соответствующее лицо **должно знать о существовании данного права...**» (§ 87 **Постановления от 04.03.14 г. по делу «Дилипак и Каракая против Турции»**), тем не менее от «судей», «прокуроров», «следователей» и «полицейских» **невозможно** добиться того, чтоб они **разъяснили все права и порядок их осуществления** при разрешении подлежащих установлению правоотношений, что разъяснено в п.п. 1.1 – 1.1.12 апелляционной жалобы № 3029-3 (<https://goo.gl/FDiXoi>). То есть от них невозможно добиться того, чтоб они не совершали, как минимум, преступления, предусмотренные ст. 140, ч. 3 ст. 210, ст. 315 УК РФ и исполняли свои прямые должностные обязанности, предусмотренные п. 3 ст. 2, ч. 1 ст. 14, п. 2 ст. 19 Пакта, п. 1 ст. 6, ст.ст. 10, 13 Конвенции, ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, ч. 1 ст. 11, ч. 2 ст. 16, ч. 2 ст. 243 УПК РФ. При этом им **невозможно** объяснить отличие сообщения о правах, то есть **цитирование общих** норм, и их разъяснения с указанием на специальные нормы права, которые конкретизируют нормы общие и бланкетные, что **систематически доказывает** отсутствие у них юридического образования. В Москве и Московской области бесполезно говорить о том, что «... **Действия властей государства-ответчика должны быть направлены в первую очередь на то, чтобы решить ... проблему и предусмотреть в случае необходимости эффективные внутригосударственные средства правовой защиты от указанных нарушений, но они могут включать в себя и решения ad hoc** (лат.) - ситуативные, пригодные только для конкретного отдельно взятого случая), **такие как заключение с заявителями мировых соглашений или односторонние предложения устранить нарушения в соответствии с требованиями Конвенции**» (§ 143 **Постановления от 16.07.2014 г. по делу «Алишич и другие против Боснии и Герцеговины, Хорватии, Сербии, Словении и Македонии»**).

Таким образом, **с учетом условий содержания**, к Бохонову А.В. **фактически** к 07.05.2018 г. применено **три срока наказания** в виде ареста, причем два из них максимальные по ч. 1 ст. 318 УК РФ и одно, то есть четвертое наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении, где условия содержания по своему комфорту несопоставимы с СИЗО и ИВС. Но так как сторону защиты лишили права на обжалование, поэтому всё идет к тому, что Бохонов А.В. **в условиях гораздо худших**, чем арест, отбудет **три максимальных** срока наказания, назначенного заведомо неправосудным приговором суда и избежит «удовольствия» побыть в комфортных условиях лишения свободы в колонии-поселении.

2. Нарушение Конституции РФ.

2.1 Статья 21 Конституции РФ.

1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления.
2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

Обоснование нарушений.

Во-первых, не будучи осужденным, Бохонов А.В. подвергся наказанию в виде длительного тюремного заключения в условиях строгой изоляции еще худших, чем

арест, в течение неопределенного времени, что привело к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению (заяв.3040БесчелОбрац2: <https://goo.gl/kusD7d>), что было объяснено ЕСПЧ, например, в §§ 78, 107, 110 **Постановления от 13.12.11 г. по делу «Гайдн против Германии»**, что будет объяснено ниже. То, что российские СИЗО и ИВС не отвечают требованиям, предъявляемым к ним ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» было установлено не только 15.07.2002 г. по делу «Калашников против РФ», но это устанавливается до сих пор, поскольку Россия как не исполняла решения ЕСПЧ в части устранения причин и условий, способствовавших нарушению фундаментальных прав, так она их не исполняет и по сей день, поскольку законы в Российской Федерации не обязательны для исполнения органами власти. Например, в период с 29.12.2017 по 29.01.2018 Бохонов был помещен в СИЗО №11 г. Ногинска в 10-ти местную камеру с 14-тью заключенными, которые спали по очереди. Очевидно, в колонии-поселении таких условий нет.

Во-вторых, сторона обвинения на всех без исключения уровнях не слышит сторону защиты, то есть **не рассматривает обращения по существу и не отвечает на подлежащие разрешению вопросы**. То есть **способы** «рассмотрения» обращений стороны защиты стороной обвинения относятся к психологическим пыткам, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, что достаточно подробно объяснено в одноименной главе: заяв.№3040БесчелОбрац2 (<https://goo.gl/kusD7d>).

В-третьих, поскольку сторона обвинения лишила сторону защиты возможности обжаловать преступные действия и решения стороны обвинения на всех уровнях, то есть **заставила** сторону защиты подчиняться преступным их решениям и действиям, поэтому она сторону защиты также подвергала и подвергает психологическим пыткам, а также бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, что было установлено 02.02.1996 г. Конституционным Судом РФ в Постановлении № 4-П, которое необходимо рассматривать во взаимосвязи с Определением № 42-О от 25.01.2005 г. и что более полно рассмотрено в главе о праве на возобновление производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств: заяв.№3040п.2ВновьОткрОбст (<https://goo.gl/EV8zMm>).

2.2 Статья 49 Конституции РФ.

1. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.
3. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

Обоснование нарушений.

Бохонов А.В., считаясь невиновным, подвергнут наказанию в виде тюремного заключения в условиях строгой изоляции, гораздо худших, чем арест, за пределами срока наказания, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ и продолжает ему подвергаться. При этом назначенное Бохонову А.В. наказание в колонии-поселении по условиям содержания гораздо лучше, чем те, в которых Бохонов А.В. находится уже 13 месяцев.

Безосновательно лишая Бохонова А.В. свободы и личной неприкосновенности, правоприменители не могли не понимать, что этим они и нарушают принцип презумпции невиновности, то есть п. 2 ст. 14 Пакта, п. 2 ст. 6 Конвенции во взаимосвязи с нарушением ст. 15 Пакта, ст. 7 Конвенции, которые **запрещают** наказание, выходящее за предельные рамки и **фактически делают невозможным** применение иных видов наказания, не связанных с лишением свободы, хотя ч. 1 ст. 318 УК РФ предусматривает такие виды наказания, как штраф (п. «а» ст. 44, ст. 54 УК РФ) и принудительные работы (п. «з¹» ст. 44, 53¹ УК РФ). **Безосновательное** содержание под стражей, то есть фактический **арест, понятие которого в международном праве имеет автономное значение**, исключает эти виды наказания автоматически и ведет к однозначному нарушению принципа презумпции невиновности, а также из возможного правонарушителя, не имеющего умысла на совершение преступления,

делает правонарушителя реальным преступником именно с прямым умыслом (ч. 2 ст. 25 УК РФ), хотя к Бохонову А.В., конечно, это отношения не имеет, поскольку **он осужден за преступление, которого не совершал**, и для этой преступной цели навязанные адвокаты, полицейские, следователи, прокуроры и судьи упорно скрывают основанные **доказательства**: видеозаписи. Но так как навязанные адвокаты, полицейские, следователи, прокуроры и судьи с 28.09.2016 г. скрывают от стороны защиты **основные доказательства**, то есть они **не могут опровергнуть доводы стороны защиты** о невиновности Бохонова А.В., поэтому **доказано**, что ими нарушен принцип презумпции невиновности и порядок доказывания вины. Поскольку вина в инкриминированном Бохонову А.В. преступлении **никем и никогда** доказана не была и **доказана не будет**, поэтому откровенно преступно всё, что с виной связано: уголовное преследование и лишение его свободы и личной неприкосновенности.

2.3 Статья 50 Конституции РФ.

1. Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление.

Обоснование нарушений.

По факту применения к Бохонову А.В. наказания в виде ареста в условиях строгой изоляции в течение уже 13 месяцев при предусмотренном ч. 1 ст. 318 УК РФ наказании в виде ареста максимум до 6 месяцев, он подвергнут 3-м наказаниям в виде АРЕСТА. Согласно вынесенному и не вступившему в законную силу приговору, Бохонову А.В. угрожает ещё 4-ое наказание в виде колонии–поселения после апелляционной инстанции.

2. При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

Обоснование нарушений.

Поскольку правоприменение в данном деле привело к нарушению принципа презумпции невиновности (статья 14, 75 УПК РФ), то есть **доводы стороны защиты никто не рассматривал и не опровергал**, наказание **фактически** применено до поступления уголовного дела в суд и им продлено с **грубым нарушением законности**, поэтому вынесенный 29.03.2018 г. приговор является недопустимым доказательством и не может иметь преюдициального значения **до опровержения доводов стороны защиты**, впрочем, как и иные ранее вынесенные в отношении Бохонова А.В. решения. Но правоприменительная практика свидетельствует о том, что на основании таких приговоров граждан откровенно преступными способами лишают свободы. Бохонов А.В. в настоящий момент лишен свободы именно таким неконституционным способом и в апелляционной инстанции данный приговор не будет признаваться недопустимым, о чем свидетельствует **вся** практика Московского областного суда, где Жертвам **навязывают** адвокатов с циничным нарушением ч. 2 ст. 16 УПК РФ и не дают оценку доказательствам на предмет их относимости, допустимости, достоверности и достаточности, как это предусмотрено **взаимосвязанными требованиями** ч.ч. 3, 4 ст. 7, ст.ст. 14, 17, 85, 87, 88, 240 УПК РФ, то есть с нарушением принципа состязательности и равноправия сторон, где не разрешаются отводы, а обвиняемые лишаются свободы без судебных решений, вступивших в законную силу, неделями и даже месяцами.

2.4 Часть 3 статьи 123 Конституции РФ в контексте нарушений статей 21, 29 (части 3, 3), 46 (части 1 и 2), 49 (части 1 и 3), 52, 53 Конституции РФ.

Часть 3 ст. 123 Конституции РФ: Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

Обоснование нарушений.

В деле Бохонова А.В. **фундаментальный** принцип состязательности и равноправия сторон нарушен тем, что сторона обвинения в лице следователей, прокуроров, судей и **навязанных** с нарушением ч. 2 ст. 16 УПК РФ адвокатов, **изначально не имели намерения** опровергать доводы стороны защиты в лице Бохонова А.В. и **избранных им защитников**, которых в нарушение указанных в многочисленных обращениях подлежащих применению норм права не допускали к участию в деле. То есть, сторона обвинения в лице следователей, прокуроров, судей и **навязанных** с нарушением ч. 2 ст. 16 УПК РФ адвокатов изначально глумились над принципом презумпции невиновности и с 28.09.2016 г. делают это до сих пор и этим подвергают сторону защиты в лице Бохонова А.В. и избранных им защитников бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, запрещенному ст. 7 Пакта, ст. 3 Конвенции, ст. 21 Конституции РФ, что было установлено во многих решениях ЕСПЧ, когда решался вопрос о **способах рассмотрения обращений** Жертв органами власти Российской Федерации.

То есть, отказ опровергать доводы стороны защиты (ч.ч. 1, 3 ст. 49 Конституции РФ) по вопросам, подлежащим доказыванию, то есть слышать вообще сторону защиты (ч.ч. 3, 4 ст. 29, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ), влечет циничное нарушение принципа состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ), а **системное** создание **стрессовых** ситуаций и полной беспомощности перед осуществляемым Произволом необходимо отнести к психологическим Пыткам и Истязаниям (ст. 21 Конституции РФ, п.п. «а», «б», «г», «д», «е», «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ). Мало того, **абсолютной Системой** стало лишение стороной обвинения сторону защиты возможности высказывать мнение о творящемся Произволе (ч.ч. 3, 4 ст. 29 Конституции РФ, заяв.№3040Произвол5: <https://goo.gl/jVVPkr>), а затем последующее удаление из процессов **независимо** от того, совершались ли стороной обвинения преступления в Щелковском и Ногинском горсудах или преступления совершались в Мособлсуде (ч.ч. 1, 2 ст. 46, ст.ст. 52, 53 Конституции РФ). **Результат был одним и тем же:** стороне защиты не давали говорить, а затем её с применением насилия или угрозой его применения, то есть посредством, как минимум, преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 210, п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, **вышвыривали** из процессов, лишая вообще всех прав. Естественно, что стороне защиты не разъяснялся порядок обжалования (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ, ч. 1 ст. 11, ч. 3 ст. 15, п. 14 ч. 4 ст. 47, ч. 2 ст. 243 УПК РФ) совершаемых стороной обвинения преступлений, а апелляционные жалобы либо вообще не принимались, либо не рассматривались по существу вышестоящими судами.

Для достижения описанных преступных целей сторона обвинения проводила **закрытые** судебные заседания, препятствуя стороне защиты осуществлять свое право на публичное разбирательство дела (п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч. 1 ст. 46 Конституции) посредством ведения видеозаписей **исключительно** публичных правоотношений (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, п. 3 ст. 3 ФЗ «О противодействии коррупции»), что более полно объяснено в заяв.№3040Видео2 (<https://goo.gl/t96hbT>) в **контексте права** на обращения в органы власти (заяв.№3040ОргВласти16-2: <https://goo.gl/oW5cPJ>).

2.5 Статья 22 Конституции РФ во взаимосвязи со статьей 48 Конституции РФ.

Статья 22 Конституции РФ:

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.
2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Обоснование нарушений.

Во-первых, при задержании Бохонова А.В. **якобы** скрывающегося от правосудия и **якобы** нарушившего подписку о невыезде из Московской области лишили права на помощь избранного им защитника Ивановой И.А., которая **в момент задержания**

Бохонова А.В. в Щелковском горсуде Московской области потерпевшим Бытко А.Н. и его подельниками была с Бохоновым А.В. посредством видеосвязи.

Во-вторых, сведения о времени задержания Бохонова А.В. следователем Нагасовым Г.В. сфальсифицированы и указано не время задержания Бохонова А.В. в Щелковском горсуде, а время его доставления к Нагасову Г.В. Время, которое Бохонов А.В. провел в полиции с потерпевшим Бытко А.Н. и его подельниками, Нагасовым Г.В. при составлении протокола о задержании в нем не отразил и это признал законным **свидетель** по делу Рокитянский Г.С., который возглавляет прокуратуру г. Щелково и который осуществлял надзор по делу, хотя ему это **запрещено** п. 1 ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 62 УПК РФ.

В-третьих, с момента решения об аресте Бохонова А.В., именуемого «содержание под стражей», его лишили права на помощь избранных Бохоновым А.В. защитников и **систематически навязывали** с нарушением ч. 2 ст. 16 УПК РФ разных адвокатов, которые за более чем год лишения Бохонова А.В. свободы и личной неприкосновенности **ни разу** не посетили его в СИЗО и ИВС и не помогли написать **ни одной** жалобы. Зато навязанные адвокаты принимали активное участие в фальсификации уголовного дела и незаконных удалениях Бохонова А.В. и его защитников по Закону из процессов, чтоб они не препятствовали стороне обвинения совершать преступления в отношении них, то есть не заявляли отводы подельникам и не приносили возражения на их преступные действия.

В-четвертых, несмотря на то, что в СИЗО г. Ногинска в камеру Бохонова А.В. присылали лиц, совершивших преступления и содержащихся в других камерах с целью **заставить** Бохонова А.В. прекратить защищать свои права, тем не менее навязанные адвокаты не желали это ни слышать, ни понимать. Их вполне бы устроило, если бы Бохонову А.В. сломали позвоночник, изнасиловали и убили, как это было сделано в СИЗО-4 г. Санкт-Петербурге («Позвоночник сломан, следы от кипятильника во рту»: <https://goo.gl/P8p95T>), или просто убили бы сокамерники, как это угрожал сделать своей Жертве оперуполномоченный УФСБ Бондарев Константин Александрович опять-таки в Санкт-Петербурге («Истязания и поощрения – слова одноименные»: <https://www.kommersant.ru/doc/3606993>), или бы показали видео, как Бохонов А.В. покончил жизнь самоубийством, о чем так ярко поведали матери «террористов» (<https://youtu.be/2Fz5mWMr7-k>), поскольку если бы у этих «террористов» были бы защитники, то тогда бы не было бы и сфальсифицированных уголовных дел. То есть лишение Жертв адвокатами права на получение в России юридической помощи **стало системной проблемой**, которую **создали все** судьи, прокуроры и следователи.

Статья 48 Конституции РФ:

1. Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.
2. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Обоснование нарушений.

Во-первых, в момент задержания Бохонова А.В. потерпевшим Бытко А.Н., с ним посредством видеосвязи была его защитник Иванова И.А. После задержания Бохонов А.В. утратил возможность общаться с ней, как с защитником, поскольку все понимали, что при участии избранных Бохоновым А.В. защитников было бы **невозможным** ни фальсификация уголовного дела, ни осуждение Бохонова А.В. откровенно преступными способами с нарушением **всех** его прав. **Только сложившаяся система** юридической «помощи» позволила **уничтожить** Россию, как правовое государство и **осуждать тысячи заведомо невиновных**, разлагая как правоохранительные органы, так и судебную власть в целом.

Во-вторых, **ни один** из навязанных Бохонову А.В. адвокатов не выполнил по отношению к нему **ни одной** своей обязанности, чем полностью лишили Бохонова А.В. права на получение квалифицированной юридической помощи, что можно посмотреть на канале «Общественный контроль правопорядка» (<https://www.youtube.com/channel/UC94Y8gTIWFzTo2HTjGKpDhg>).

Более полно эти вопросы рассмотрены в **незаконченной пока** главе «Аресты и задержания» («1-заяв.№304оп.1.7Арест»: <https://goo.gl/AEqi5y>).

В-третьих, содержание под стражей до вступления приговора в законную силу применяется именно для ограничения права обвиняемых на защиту. Это подтвердили сотрудники УФСИН МО и СИЗО-11 г. Ногинска, разъясняя, что осужденные лица имеют право связываться в любое время с защитниками посредством телефонной связи и **видеосвязи**, а лица, в отношении которых приговор не вступил в законную силу, в этом праве ограничены, что является явной дискриминацией: «... различное обращение является дискриминацией, если "оно не имеет **объективного и разумного оправдания**", то есть если оно не преследует "законную цель" либо если отсутствует "**разумная соразмерность**" между использованными средствами и преследуемой целью (...» (§ 196 **Постановления от 13.11.07 г. по делу «D.H. и другие против Чехии»**).

(«Связь с адвокатом? Сначала осудим - потом связь обеспечим» <https://youtu.be/4Ega56XngNs>).

- 2.6** Статья 47 Конституции РФ во взаимосвязи со статьями 2, 3 (части 1 и 2), 21, 32 (часть 5), 45, 46 (части 1 и 2), 49 (части 1 и 3), 52, 53, 123 (часть 3) Конституции РФ.

Статья 47 Конституции РФ:

1. Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.
2. Обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Обоснование нарушений.

Во-первых, как мы видим из **взаимосвязанных** положений перечисленных норм Конституции РФ, носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее народ (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ), граждане которого имеют право участвовать в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ). При этом народ должен иметь возможность осуществлять свою власть непосредственно (ч. 2 ст. 3 Конституции РФ). Однако, когда между представителями народа и представителями органов власти возникают какие-либо конфликтные ситуации, то такие правоотношения **должны** быть предметом разрешения судом с участием присяжных заседателей, то есть представителей народа, поскольку **органы власти в этом случае прямо заинтересованы в исходе дела** (ч. 2 ст. 61 УПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ и т.п.) и по этой причине **не вправе** давать оценку своим же действиям. Поскольку *nemo est supra leges* – никто не выше закона и это запрещено основополагающим принципом **запрета** дискриминации (ст. 26 Пакта, ст. 14 Конвенции, ст. 19 Конституции, ст. 136 УК РФ) и *nemo iudex in propria causa est* – никто не может быть судьей в своем собственном деле, поэтому только представители народа вправе давать оценку **самой деятельности** органов власти. В деле Бохонова А.В. **предметом** проверки и оценки является **преступная деятельность** не только полиции, следствия, прокуратуры и адвокатуры, но и судов, которые отменили элементарные представления о справедливости и законности. При этом всем давно известно, что жаловаться в России куда-либо совершенно бессмысленно и бесполезно, так как, во-первых, обращения Жертв незаконно пересылают лицам и органам, чьи действия обжалуются, а, во-вторых, **невозможно** получить ответы по существу ставящихся вопросов и поэтому Россия давно уже **превращена** в неправовое государство. По заявлениям о **преступлениях**

представителей органов власти добиться проверки невозможно и по таким заявлениям проверка не проводится ни в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ, ни в порядке, предусмотренном ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» и дело Бохонова А.В. тому яркое подтверждение, где были **написаны уже сотни** заявлений и либо получены сотни отписок, либо не было получено ответов вообще. Иски в суды предъявить невозможно, поскольку кроме издевательств российские судьи гражданам России ничего предложить не могут и посылают туда, не знают куда, то есть в тот вид судопроизводства, где **нет подлежащих применению норм действующего законодательства, которые можно было бы применить на практике**. Практика этих издевательств достаточно полно объяснена в главе о бесчеловечном обращении (заяв.№3040БесчелОбращ2: <https://goo.gl/kusD7d>). При этом добиться рассмотрения этих сотен обращений и отписок практически невозможно, поскольку **из этой переписки следует: кто и как принимал участие в фальсификации уголовного дела и кого необходимо привлечь к соответствующей ответственности**. И поэтому с целью незаконного освобождения от ответственности лиц (ст. 300 УК РФ), которые лишили сторону защиты права на обжалование (ст. 33, ч. 2 ст. 46 Конституции РФ, п. 14 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), то есть пособников фальсификации уголовного дела (ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 303 УК РФ), стороне защиты так и не удалось добиться приобщения к материалам уголовного дела всех надзорных производств для их проверки и оценки.

Во-вторых, в России полностью отменен институт отводов, поскольку заявленные отводы либо вообще не рассматривают, либо в выносимых решениях фальсифицируют доводы Жертв и **во всех случаях** выносимые решения обжаловать невозможно в вышестоящие инстанции, поскольку **в вышестоящих инстанциях невозможно добиться рассмотрения доводов по существу**. При этом **создана практика**, когда **невозможно** добиться принятия и направления жалоб на отказы в удовлетворении отводов непосредственно после их вынесения. **Сами выносимые решения откровенно преступны и в них не указывается порядок обжалования**. Сам факт того, что отводы рассматривают лица, кому они заявлены, делает эти отводы невозможными изначально. В апелляционных инстанциях **невозможно** добиться вынесения решений по заявленным отводам с мотивировочной частью и для вынесения решений судьям достаточно иногда 2 -3 секунд, что ни в какие ворота уже не лезет. В России **невозможно** добиться исполнения не только Постановления от 09.01.18 г. по делу «Ревтюк против РФ», где была установлена недопустимость рассмотрения отвода самим судьей, которому отвод заявлен, но и Постановления от 15.01.15 г. по делу «Малнберг и другие против РФ», где была установлена недопустимость нарушения принципа публичности, когда оглашалась только резолютивная часть, что по заявленным отводам в апелляционной инстанции является нормой. То есть **всех** судей в России, рассматривающих дела в апелляции, необходимо в **безусловном порядке** привлечь к уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ за злостное неисполнение Постановления ЕСПЧ от 15.01.15 г. по делу «Малнберг и другие против РФ».

В-третьих, поскольку добиться рассмотрения отводов по существу практически невозможно, то есть Жертвы подвергаются явным психологическим пыткам, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и по заявлениям о совершенных судьями и прокурорами преступлениях проверка не проводится, то есть добиться признания Жертвам их потерпевшими – не реально, поэтому в России растоптаны все права Жертв, которые обусловлены самим статусом потерпевших. Но поскольку речь все-таки идет об отводах, поэтому нарушение права Жертв на рассмотрение их дел судами, к подсудности которых дела отнесены законом, то есть судами и судьями, не подлежащими отводам – является абсолютной нормой. Естественно, что при таких условиях о состязательности и равноправии сторон не может быть и речи. Поэтому басня «Волк и ягненок» (<https://deti-online.com/basni/basni-krylova/volk-i-jaggenok/>) является практическим воплощением российского правосудия, хотя «... отсутствие беспристрастности судьи должно проявляться в ограничении процессуальных прав стороны, ненадлежащем сборе доказательств или вынесении несправедливого приговора...» (§ 169 **Постановления от 12.04.18 г. по делу «Chim and Przywieczerski против Польши»**). При этом, злоупотребление правом на отправление

правосудия (ст. 5, ч. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6, ст. 17 Конвенции, ч. 3 ст. 17, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ) является ситуация, когда решение «было сознательно основано на недостоверных фактах (...)» (§ 188 там же). Также злоупотреблением правом на отправление правосудия является **любое поведение судьи**, «которое явно противоречит цели права ..., как это предусмотрено в Конвенции и которое препятствует надлежащему функционированию Суда или надлежащему проведению разбирательства, может рассматриваться как злоупотребление правом ... (...)» (§ 189 там же).

3. Нормы материального права, подлежащие применению.

Согласно Своду Принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию, слово "арест" означает акт задержания лица по подозрению в совершении какого-либо правонарушения или по решению какого-либо органа (п. «а»); слова "задержанное лицо" означают любое лицо, лишённое личной свободы не в результате осуждения за совершение правонарушения (п. «б»).

«Под термином "арест (задержание)" здесь понимается любое физическое задержание лица, **с которого начинается лишение свободы**, а под термином "содержание под стражей" понимается лишение свободы **с момента первичного физического задержания и вплоть до освобождения (...)**. Арест по смыслу статьи 9 не обязательно предполагает официальный арест, как он определяется согласно внутреннему законодательству (...). Когда человеку, уже находящемуся в заключении, назначается мера в виде дополнительного лишения свободы, например помещение под стражу в связи с каким-либо другим уголовным обвинением, **начало такого лишения свободы также представляет собой арест (...)**» (п. 13 **Замечаний общего порядка Комитета по правам человека № 35**).

То, что согласно национальному законодательству **содержание под стражей** является **арестом**, подтверждает такая мера пресечения как ограничение свободы в виде «домашнего ареста» (статья 107 УПК РФ). Также и зачет сроков содержания под стражей в период досудебного и судебного производства в сроки лишения свободы (часть 3 статьи 72 УК РФ, ч. 10 ст. 109 УПК РФ) свидетельствуют о том, что применяется **наказание** уже до вынесения приговора.

3.1 Согласно статье 44 УК РФ видами наказаний являются:

- з¹) принудительные работы (ст. 53¹ УК РФ);
- и) арест (ст. 54 УК РФ);
- л) лишение свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ);

Часть 1 статьи 318 УК РФ предусматривает виды наказаний в виде:

«штрафа в размере до двухсот тысяч рублей
или
в размере заработной платы
или
иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев,
либо принудительные работы на срок до пяти лет,
либо арест на срок до шести месяцев,
либо лишение свободы на срок до пяти лет.

Согласно Рекомендации № Res (2006)13 государствам-членам о применении содержания под стражей, об условиях, в которых оно должно осуществляться, и о мерах по предупреждению насилия, которая была принята Комитетом министров Совета Европы 29.09.06 г.:

II. Применение содержания под стражей Основания

6. **Содержание под стражей** должно в основном применяться **только** в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений, **наказуемых лишением свободы**.

Поскольку ч. 1 ст. 318 УК РФ предусматривает и виды наказаний **без лишения свободы**, то помещение Бохонова А.В. под стражу **до** вынесения приговора привело к нарушению принципа презумпции невиновности, а содержание его ДО приговора под стражей **более 6 месяцев** еще раз нарушило принцип презумпции невиновности.

Общие принципы 3.

...3. [1.] С точки зрения презумпции невиновности и свободы личности **содержание под стражей** подозреваемого в совершении преступления **должно быть не нормой, а исключением**.

[2.] **В законе не должно** быть закреплено требование о том, что подозреваемый в совершении преступления (или отдельные категории таких лиц) должны содержаться под стражей.

[3.] В отдельных случаях **содержание под стражей должно применяться только по необходимости и в качестве крайней меры; оно не должно применяться в карательных целях**.

9. [1] Определение степени опасности должно основываться на обстоятельствах каждого дела, но особое внимание следует уделять следующим факторам:

- a) характеру и тяжести вменяемого преступления;
- b) **виду наказания, который может быть назначен в случае осуждения;**
- c) возрасту, состоянию здоровья, особенностям личности, обстоятельствам, предшествовавшим совершению преступления, личным и социальным обстоятельствам жизни лица и, в частности, его социальным связям;
- d) **поведению человека, особенно то, как он выполнил обязанности, которые могли быть возложены на него в ходе предварительного расследования.**

22. [2.] **В любом случае его продолжительность не должна превышать или не соответствовать сроку наказания, который может быть назначен за совершенное преступление.**

[3.] **Ни в коем случае** содержание под стражей не должно нарушать право человека на судебное разбирательство в установленные сроки.

Обоснование нарушений.

Во-первых, при решении вопроса о лишении Бохонова А.В. свободы и личной неприкосновенности **полностью отрицалась презумпция невиновности**, поскольку она **прямо связана с обоснованным подозрением** и **вопрос об обоснованном подозрении не рассматривался никогда**, хотя это было **обязательным**, что достаточно подробно было разъяснено 19.04.2018 г. ЕСПЧ в §§ 48 – 53 **Постановления по делу «Маммадли против Азербайджана»**. **Систематическое лишение Бохонова А.В. свободы и личной неприкосновенности без рассмотрения вопроса об обоснованном подозрении**, то есть с нарушением принципа презумпции невиновности, **доказывает наличие системной проблемы**, позволяющей этот **вид наказания** применять **не** как исключение, а как правило. То есть **в России отрицание презумпции невиновности является абсолютным правилом, что доказывают все** решения по делу Бохонова А.В.

Во-вторых, так как содержание под стражей, то есть **арест с бесчеловечными условиями содержания**, избирался для цели лишения Бохонова А.В. возможности защищаться в установленном законом порядке и **фиксировать все правоотношения посредством видео и/или аудиозаписи**, поэтому **этот вид наказания** к нему был применен **с карательными целями**. То есть с целями

сломить его волю к моральному сопротивлению по отношению не только к осуществляемому Произволу, но и совершаемым преступлениям и воспрепятствовать в осуществлении функций **реального** правозащитника (ст. 18 Конвенции, §§ 80 – 105 **Постановления от 19.04.2018 г. по делу «Маммадли против Азербайджана»**, частично несовпадающее мнение судьи Хелены Келлер на **Постановление от 13.12.16 г. по делу «Каспаров и другие против РФ (№2)»**).

В-третьих, при лишении Бохонова А.В. свободы и личной неприкосновенности **никогда** не учитывались альтернативные виды наказания по отношению к лишению свободы. То, что Бохонову А.В. будет присуждено лишение свободы, ему было объявлено еще **до** направления дела в суд. Только тогда ему обещали выпустить с учетом отсиженного при условии **самооговора, чего добивались навязанные адвокаты**.

В-четвертых, при лишении Бохонова А.В. свободы и личной неприкосновенности **никогда** не учитывалось его поведение законопослушного гражданина, **не склонного к применению насилия**, действующему исключительно в рамках закона и осуществляющего **реальную** правозащитную деятельность, направленную на установление **правового государства**, то есть для цели **соответствия** принципа ч. 1 ст. 1 Конституции РФ и существующей практики.

В-пятых, при лишении Бохонова А.В. свободы и личной неприкосновенности **никогда** не рассматривался вопрос об **условиях его содержания, которые и должны дифференцировать избираемый вид наказания**. То есть **всегда цинично нарушались требования** ст. 15 Пакта, ст. 7 Конвенции, которые предъявляют требование к качеству закона и **предсказуемости** наказания, что ЕСПЧ достаточно подробно было рассмотрено и разъяснено, например, 27.01.2015 г. в **Постановлении по делу «Рохлена против Чешской Республики»**. То есть **никогда** не рассматривался вопрос о том, что **продолжительность содержания под стражей не должна превышать или не соответствовать сроку наказания, который может быть назначен за совершенное преступление**. То есть **всегда** предоставлялись **доказательства** того, что российские правоприменители **злостно не исполняли** Постановление ЕСПЧ от 27.01.2015 г. по делу «Рохлена против Чешской Республики» и аналогичные доводы Конституционного Суда РФ по вопросу предсказуемости подлежащего применению законодательства, выраженные, например, в абзаце 1 п. 3 мот. части Постановления № 14-П от 13.05.14 г.

Также, при разрешении **ключевого** вопроса о видах наказания, связанных с лишением свободы, необходимо иметь ввиду **основополагающие** доводы Конституционного Суда РФ, которые позволяют **точно установить статус** участников подлежащих разрешению правоотношений: «... **обеспечение** гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица **тем или иным** участником производства по уголовному делу, а **наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права** (абзац 4 п. 3 мот. части **Постановления КС РФ № 32-П от 23.11.17 г.**)... Учитывая, что **статус участников уголовного судопроизводства определяется не только отраслевыми нормами, но и требованиями Конституции РФ** (статья 45; статья 46, части 1 и 2; статья 48, часть 2; статья 49; статья 50, часть 3; статья 52 и др.), **их процессуальное положение, наполняемое в том числе конституционно-правовым содержанием**, не исключает доступа к конкретным сведениям...» (абзац 3 п. 6 там же). Фактом является то, что Бохонов А.В. находился и находится в условиях, гораздо худших не только колонии-поселения, но и условий ареста. А это значит, что он отбывает **третий предельный** срок наказания, что запрещено ст. 15 Пакта, ст. 7 Конвенции, ч. 1 ст. 50 Конституции РФ.

3.2 Статья 43 УК РФ. Понятие и цели наказания.

1. Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, **признанному** виновным в совершении преступления,

и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица.

2. Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Обоснование нарушений.

Во-первых, мера государственного принуждения в виде лишения свободы и ограничения прав в условиях ареста, которым соответствует содержание под стражей на стадии до вынесения приговора, **соответствует по своим ограничениям наказанию** за уголовное преступление, что следует из смысла ст. 72 УК РФ, которая прямо предусматривает зачет **сроков наказания**.

Во-вторых, наказание в России применяется не для цели восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений, а для цели истребления неугодных существующему режиму и внушению им страха и беспомощности перед осуществляющимся произволом власти.

В-третьих, наказание в России и само лишение свободы применяется не в предусмотренном УПК РФ порядке, а вопреки ему. То есть при лишении Жертв свободы и личной неприкосновенности **не учитывается** ни обоснованное подозрение, ни сам вид возможного наказания, ни подлежащие проверке и оценке доказательства. **Доказательства в России не имеют вообще никакого значения** (§ 72 Постановления от 02.02.17 г. по делу «Навальный против РФ»). В результате такой практики ЕСПЧ теперь стал выносить **оптвые** решения о присуждении компенсации за системное нарушение (§§ 151 - 153 Постановления от 12.10.17 г. по делу «Бурмич (Burmych) и другие против Украины») ст. 5 Конвенции, создавая такую же системную проблему, как и на Украине, что объяснено в данном Постановлении. В связи с чем ЕСПЧ **не остается ничего иного**, как принимать аналогичные решения, но уже в отношении России по делу Бохонова А.В., хотя он был близок к этому **20.03.2018 г. по делу «Игранов и другие против РФ»**, о чем свидетельствует частное мнение судьи Хелен Келлер, а также **17.04.2018 г. по делу «Цуканов и Торчинский против РФ»**, где была подтверждена позиция ЕСПЧ, высказанная 20.09.2016 г. по делу «Карелин против РФ» и успешно забытая Россией, которой проще расправиться со своими законопослушными гражданами и сеять Безумие посредством фальсификации доказательств, которым не дается адекватная оценка в судах.

И, в-четвертых, **не привязывая наказания к условиям содержания**, то есть **нарушая принцип пропорциональности**, само заключение и содержание под стражей, то есть **аресты**, **способствуют не восстановлению социальной справедливости**, исправлению осужденного и предупреждению совершения новых преступлений, а напротив, способствуют увеличению числа лиц с криминальными наклонностями и превращению России в криминальный Вертеп, заполненный **лицами с криминальной психологией**. Тот дичайший Произвол, который процветает в российских судах неопровержимо **доказывает**, что перед российскими судами не стоит цели предупреждения преступлений и правонарушений, а также уважения законности. Перед российскими судами стоит одна цель: внушение страха перед **неконтролируемым** Произволом органов власти, подавлению морального и физического сопротивления перед Беззаконием и **доведения Жертв до беспомощного состояния** посредством **выученной беспомощности** (https://ru.wikipedia.org/wiki/Выученная_беспомощность), что является одним из **способов геноцида и истребления своего собственного народа**. И с этой задачей российские суды справляются **очень хорошо**, чему **ярчайшим доказательством** является дело Бохонова А.В., который **сидит за преступление, которого не совершал**, но сидит потому, что за его привлечение к уголовной ответственности на скамью подсудимых **надо** отправить десятки «судей», «прокуроров», «следователей», «полицейских» и «адвокатов», растоптавших **элементарные** представления о законности.

То есть, до тех пор, пока наказание не будет соотноситься с условиями содержания, до тех пор оно будет носить исключительно карательный характер, неотъемлемой частью которого будут Попытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, а также **возможность безнаказанных убийств, что в России практикуется уже**

достаточно широко и что объяснено, например, в § 102 **Постановления от 22.12.15 г. по делу «Лыкова против РФ»**: «Что касается заявления П., сделанного в Воронежском областном суде,.. несмотря на возложенную на них **обязанность**, учитывая раскрытые обстоятельства, **довести суть заявления до сведения компетентных органов (...), ни Воронежский областной суд, ни представитель прокуратуры, присутствовавший в судебном заседании, ничего не предприняли в данном отношении... прогрессу в расследовании обстоятельств жестокого обращения и смерти Сергея Лыкова помешали не бездействие и небрежное отношение заявительницы и свидетеля П., а, скорее, атмосфера безразличия к настоящему делу и даже потворства, существовавшая в компетентных органах г. Воронежа». А если мы возьмем во внимание еще, например, **Постановление от 20.02.2018 г. по делу «Бопхоева против РФ»**, то деградация следственных и надзорных органов, а также судебной власти будет объяснена относительно полно в малом объеме.**

3.3 Статья 54 УК РФ. Арест.

1. Арест заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества и устанавливается на срок от одного до шести месяцев. В случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца.

Статью 54 УК РФ необходимо рассматривать во взаимосвязи со ст. 69 Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

1. Осужденные к аресту содержатся в условиях строгой изоляции. Изолированно от иных категорий лиц, содержащихся под стражей, и отдельно размещаются: осужденные мужчины, осужденные женщины, а также осужденные, ранее отбывавшие наказание в исправительных учреждениях и **имеющие судимость**.

(в ред. Федерального закона от 24.11.2014 N 371-ФЗ)

2. На осужденных распространяются **условия содержания**, установленные настоящим Кодексом **для осужденных к лишению свободы**, отбывающих наказание **в условиях общего режима в тюрьме**. Осужденным не предоставляются свидания, за исключением свиданий с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи; не разрешается получение посылок, передач и бандеролей, за исключением содержащих предметы первой необходимости и одежду по сезону. Общее образование, профессиональное образование и профессиональное обучение осужденных не осуществляются; передвижение без конвоя не разрешается. Осужденные имеют право ежемесячно приобретать продукты питания и предметы первой необходимости на сумму четырехста рублей.

4. Осужденные пользуются правом ежедневной прогулки продолжительностью не менее одного часа.

5. При исключительных личных обстоятельствах осужденным к аресту может быть разрешен телефонный разговор с близкими.

Обоснование нарушений.

Во-первых, так как Бохонов А.В. проживал г. Волжск Волгоградской области и там проживают его различные родственники, поэтому **за все время его ареста он с родственниками не встречался**. То есть один **признак** ареста мы имеем в деле Бохонова А.В.

Во-вторых, так как правоприменители лишили Бохонова А.В. права на помощь избранных им защитников, а **навязанные адвокаты не имели намерения с ним встречаться**, поэтому права на юридическую помощь он лишен полностью. То есть условия ареста более благоприятны с точки зрения права на юридическую помощь, чем **фактическое** положение Бохонова А.В.

В-третьих, так как у Бохонова А.В. нет ни денег, ни близких родственников поблизости, поэтому ему не светят посылки и передачи и поэтому он все время **пишет**,

что он голодает, так как есть нечего. Таким образом, следующий **признак** ареста мы имеем в наличии.

В-четвертых, так как Бохонова А.В. лишили права на пользование компьютером и правовой информацией, то есть ему запрещена реализация права пользования благами научного прогресса, защищаемого п. 1 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека, поэтому он фактически лишен права на какое-либо образование. Это подтверждается еще и тем, что защитник **по закону** Иванова И.А., которой **запретили** осуществлять **свое право** на защиту Бохонова А.В., вела переговоры с университетом «Синергия» в Москве по поводу обучения Бохонова А.В. Но администрации СИЗО и ИВС при пособничестве «судей», «прокуроров» и навязанных с нарушением ч. 2 ст. 16 УПК РФ, то есть посредством Произвола адвокатов, воспрепятствовали Бохонову А.В. в осуществлении своего права. Это следующий **признак** ареста, который применим к Бохонову А.В.

В-пятых, передвижение без конвоя Бохонову А.В. не разрешено, а это значит, что **условия ареста** имеют место быть.

В-шестых, Бохонову А.В. были переведены деньги и он воспользовался ими, чтоб купить продукты питания в имеющемся ларьке. После одной такой покупки продуктов питания он отравился и его рвало с кровью, после чего он несколько дней лечился ... кипятком. То есть условия ареста просто отдыхают в деле Бохонова А.В. и особенно право на оказание медицинской помощи, которое является иллюзорным.

В-седьмых, Бохонову А.В. разрешен один час прогулки, поэтому **условия ареста соблюдены**.

В-восьмых, что касается телефонных переговоров с близкими, то для их осуществления нет условий, а поэтому с этой точки зрения Бохонов А.В. находится в условиях хуже, чем арест.

И, в-девятых, Бохонов А.В. действительно не находится в условиях строгой изоляции, поскольку в СИЗО г. Ногинска лица, совершившие преступления при содействии администрации могут заходить в любые камеры и делать с Жертвами всё, что захотят. Поэтому в этом смысле СИЗО г. Ногинска не соответствует условиям ареста, а предназначено для внушения страха и безысходности перед осуществляемым Произволом, а также пыток, насилия и издевательств, покрываемых прокуратурами и судами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что **условия, в которых находится Бохонов А.В. значительно хуже, чем условия ареста**.

3.4 Статья 56 УК РФ. Лишение свободы на определенный срок.

1. Лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму. Наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных **статьей 63** настоящего Кодекса, за исключением преступлений, предусмотренных **частью первой статьи 228**, **частью первой статьи 231** и **статьей 233** настоящего Кодекса, или только если соответствующей статьей **Особенной части** настоящего Кодекса лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

(в ред. Федеральных законов от 09.03.2001 N 25-ФЗ, от 07.12.2011 N 420-ФЗ)

Обоснование нарушений.

Так как приговором Бохонову А.В. назначено наказание в виде колонии-поселения, поэтому необходимо сравнить условия отбытия наказания с его условиями содержания в СИЗО, ИВС и психиатрических стационарах. Условия содержания в колонии-поселении прописаны в ст. 129 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, однако также необходимо рассмотреть условия содержания в тюрьме (ст. 131), поскольку условия колонии-поселения не могут быть приравнены к условиям содержания в **пыточных** условиях СИЗО, ИВС и психиатрических стационаров. При этом мы

должны ясно понимать, что условия содержания в колонии-поселении по своей мягкости и условия содержания в условиях тюрьмы по своей жесткости – это крайние **условия содержания в условиях лишения свободы**. И если **условия содержания** в СИЗО и ИВС **хуже, чем условия содержания** в условиях тюрьмы, то Жертва находится **за пределами этих условий содержания** и эти условия содержания **должны** рассматриваться как **фактические**.

1. В колониях-поселениях отбывают наказание в виде лишения свободы:

а) лица, осужденные за преступления, совершенные по неосторожности, и ранее не отбывавшие лишения свободы;

б) лица, впервые осужденные за совершение умышленных преступлений небольшой или средней тяжести;

в) лица, осужденные за преступления, совершенные по неосторожности, и ранее отбывавшие лишения свободы;

г) положительно характеризующиеся осужденные, переведенные из колоний общего и строгого режима в порядке, предусмотренном [статьей 78](#) настоящего Кодекса.

(часть 1 в ред. Федерального закона от 29.03.2010 N 36-ФЗ)

2. Лица, указанные в [пунктах "а" и "б" части первой](#) настоящей статьи, отбывают лишение свободы отдельно от лиц, указанных в [пунктах "в" и "г" части первой](#) настоящей статьи. В колониях-поселениях осужденные отбывают лишение свободы в одних и тех же условиях.

(часть 2 в ред. Федерального закона от 29.03.2010 N 36-ФЗ)

3. В одной колонии-поселении могут содержаться осужденные мужчины и осужденные женщины. Осужденные, совершившие преступления в соучастии, отбывают лишение свободы, как правило, раздельно.

Статья 129. Условия отбывания лишения свободы в колониях-поселениях

1. В колониях-поселениях осужденные к лишению свободы:

а) содержатся без охраны, но под надзором администрации колонии-поселения; в часы от подъема до отбоя пользуются правом свободного передвижения в пределах колонии-поселения; с разрешения администрации колонии-поселения могут передвигаться без надзора вне колонии-поселения, но в пределах муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы либо в связи с обучением; могут носить гражданскую одежду; могут иметь при себе деньги и ценные вещи; пользуются деньгами без ограничения; получают посылки, передачи и бандероли; могут иметь свидания без ограничения их количества;

(в ред. Федерального закона от 29.03.2010 N 36-ФЗ)

б) проживают, как правило, в специально предназначенных для них общежитиях. Осужденным, не допускающим нарушений установленного порядка отбывания наказания и имеющим семьи, по постановлению начальника колонии-поселения может быть разрешено проживание со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение. Указанные осужденные обязаны являться для регистрации в колонию-поселение до четырех раз в месяц. Периодичность регистрации устанавливается постановлением начальника колонии-поселения. Жилые помещения, в которых проживают осужденные, могут посещаться в любое время представителем администрации колонии-поселения;

(в ред. Федерального закона от 29.03.2010 N 36-ФЗ)

в) имеют документ установленного образца, удостоверяющий личность осужденного. Паспорт и другие личные документы осужденных хранятся в их личных делах.

2. Осужденным запрещается использовать и хранить на территории колонии-поселения и на объектах, где выполняются работы, предметы и вещества, перечень которых установлен Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений.

(в ред. Федерального закона от 29.03.2010 N 36-ФЗ)

3. Труд осужденных регулируется законодательством Российской Федерации о труде, за исключением правил приема на работу, увольнения с работы и перевода на

другую работу. Перевод осужденных на другую работу, в том числе в другую местность, может осуществляться администрацией предприятия, на котором они работают, по согласованию с администрацией колонии-поселения.

4. Осужденным разрешается обучаться по заочной форме в образовательных организациях высшего образования и профессиональных образовательных организациях, расположенных в пределах муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение.

(в ред. Федеральных законов от 29.03.2010 N 36-ФЗ, от 02.07.2013 N 185-ФЗ)

5. При применении к осужденным, отбывающим лишение свободы в колониях-поселениях и не занятым общественно полезным трудом, взыскания в виде запрещения выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней им предоставляется право на ежедневную прогулку продолжительностью не менее двух часов.

(часть 5 введена Федеральным законом от 22.12.2008 N 271-ФЗ)

Обоснование нарушений.

По приведенным текстам и изложенному выше мы видим, что условия содержания в колонии-поселении как **вида наказания** несопоставимо мягкие по сравнению с теми условиями, в которых Бохонов А.В. лишен свободы и личной неприкосновенности уже 13 месяцев. То есть условия назначенного наказания по сравнению с условиями, в которых Бохонов А.В. находится **второй год**, можно отнести к условиям санатория или фешенебельного курорта. Но Бохонов А.В. отбыл **более года** не в санатории и не на курорте, а в условиях строжайшей изоляции, психологических пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и поэтому назначенное наказание не соответствует по своим условиям отбытому сроку лишения свободы. То есть **Бохонов А.В. реально отбыл два максимальных срока ареста и теперь отбывает третий срок**. Однако, поскольку для российских правоприменителей условия содержания не имеют вообще никакого значения и они считают, что право на лишение свободы они могут осуществлять произвольно, без учета **фактического статуса** личности, поэтому необходимо сравнить условия содержания Бохонова А.В. с самыми жесткими тюремными условиями для лишения свободы, предусмотренными ст. 131 Уголовно-исполнительного кодекса и сопоставимыми с условиями ареста (ч. 2 ст. 69 УИК РФ):

Статья 131. Условия отбывания лишения свободы в тюрьмах

1. Осужденные к лишению свободы содержатся в тюрьмах в запираемых общих камерах. В необходимых случаях по мотивированному постановлению начальника тюрьмы и с согласия прокурора осужденные могут содержаться в одиночных камерах.

2. Размещение осужденных по камерам производится с соблюдением требований, предусмотренных **статьей 80** настоящего Кодекса. Кроме того, отдельно содержатся осужденные, находящиеся на общем и строгом режимах. Изолированно от других осужденных и отдельно содержатся также осужденные, переводимые из одного исправительного учреждения в другое; осужденные, оставленные в тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

3. Прогулки осужденных, содержащихся в тюрьме, проводятся покамерно в дневное время на специально оборудованной на открытом воздухе части территории тюрьмы. Прогулка осужденного может быть досрочно прекращена в случае нарушения им установленных правил внутреннего распорядка.

4. Осужденным, отбывающим наказание на общем режиме, разрешается:

а) ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости помимо средств, указанных в **части второй статьи 88** настоящего Кодекса, иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере семи тысяч двухсот рублей;

(в ред. Федеральных законов от 03.04.2006 N 46-ФЗ, от 14.02.2009 N 23-ФЗ, от 13.07.2015 N 260-ФЗ)

б) иметь два краткосрочных и два длительных свидания в течение года;

в) получать две посылки или передачи и две бандероли в течение года;

г) пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью два часа. При

хорошем поведении осужденного и наличии возможности время прогулки может быть увеличено на тридцать минут.

(п. "г" в ред. Федерального закона от 20.12.2017 N 410-ФЗ)

5. Осужденным, отбывающим наказание на строгом режиме, разрешается:

а) ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости помимо средств, указанных в **части второй статьи 88** настоящего Кодекса, иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере шести тысяч рублей;

(в ред. Федеральных законов от 03.04.2006 N 46-ФЗ, от 14.02.2009 N 23-ФЗ, от 13.07.2015 N 260-ФЗ)

б) иметь два краткосрочных свидания и одно длительное свидание в течение года;

(п. "б" в ред. Федерального закона от 16.10.2017 N 292-ФЗ)

в) получать одну посылку и одну бандероль в течение года;

г) пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью полтора часа. При хорошем поведении осужденного и наличии возможности время прогулки может быть увеличено на тридцать минут.

(п. "г" в ред. Федерального закона от 20.12.2017 N 410-ФЗ)

Обоснование нарушений.

Во-первых, из приведенного мы можем убедиться, что **ни один** вид тюремного заключения к Бохонову А.В. не применим, поскольку **он не может реализовать ни одного права, предусмотренного ст. 131 УИК РФ**. То есть те условия, в которых находится Бохонов А.В. **второй год за преступление, которого он не совершал и которое не доказано в установленном законом порядке**, более жесткие, чем самые жесткие условия для лишения свободы. Однако мы помним, что принцип «... **поддержания доверия граждан к закону и действиям государства ... предполагает, что ... право будет уважаться властями и будет реализовано (...)**» (абзац 4 п. 3.1 **Постановления КС РФ № 16-П от 19.04.18 г.**). Бохонова А.В. «судьи», «прокуроры», «следователи», «полицейские» и навязанные с нарушением ч. 2 ст. 16 УПК РФ, то есть посредством Произвола «адвокаты», поставили в такие условия, при которых **он не мог реализовать ни одного своего права**, а поэтому у Бохонова А.В. были и есть все **основания им не доверять**. Тем более, что когда правоприменители делают невозможным реализацию прав их Жертв, то есть эти «правоприменители» **не выполняют свои обязанности по обеспечению прав** и этим **создают конфликты интересов**, то они подлежат **безусловному самоотводу** или отводу в силу ч. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ» во взаимосвязи со ст. 19 Конституции РФ, **запрещающую** какую-либо дискриминацию. А поэтому повторим: «... **обеспечение** гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица **тем или иным** участником производства по уголовному делу, а **наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение** этого лица как **нуждающегося в обеспечении соответствующего права** (абзац 4 п. 3 мот. части **Постановления КС РФ № 32-П от 23.11.17 г.**)... Учитывая, что статус участников уголовного судопроизводства определяется **не только отраслевыми нормами**, но и **требованиями Конституции РФ** (статья 45; статья 46, части 1 и 2; статья 48, часть 2; статья 49; статья 50, часть 3; статья 52 и др.), **их процессуальное положение, наполняемое в том числе конституционно-правовым содержанием**, не исключает доступа к конкретным сведениям...» (абзац 3 п. 6 там же).

Во-вторых, «... для лиц, которые продолжают содержаться под стражей, можно предусмотреть еще один вид компенсации вреда: сокращение срока наказания **соразмерно** тому, сколько дней **они провели в условиях, не соответствующих Конвенции**... (§ 136 **Постановления от 15.09.15 г. по делу «Шишанов против Молдовы»**)... сокращение срока наказания может являться надлежащим способом компенсировать **вред, причиненный плохими материальными условиями содержания под стражей**, при условии, что, с одной стороны, оно **применяется** именно для того, **чтобы устранить нарушение статьи 3 Конвенции**, и, с другой стороны, что **его воздействие на размер наказания заключенного можно измерить (...)**» (§ 137 там же).

Предложенный ЕСПЧ способ решения рассматриваемой проблемы в России невозможен потому, что в России органы власти не предназначены для признания совершаемых ими преступлений и нарушений прав и свобод своих Жертв, то есть народа. А поэтому нарушения Конвенции органы власти признают только тогда, когда дело принимает в производство ЕСПЧ. Что касается измерения наказания, то это также в России невозможно, поскольку те условия, в которых содержатся не только заключенные, но и весь народ, не отвечает условиям **ни одной** развитой страны мира. А поскольку бюджет Российской Федерации предназначен не для развития России, а для хищений, поэтому становится невозможным само инициирование измерения наказания, так как Жертвам надо выплачивать компенсации, а средств для этого нет, поскольку, опять-таки, все уходит на хищения. То есть, как бы мы ни посмотрели на разумные решения ЕСПЧ, эти решения не могут быть исполнены потому, что **цели развития законности не совпадают с целями хищений и уничтожения России, как правового государства**. В связи с тем, что в России в **официальных средствах массовой информации** господствует идеология отрицания применения норм международного права и провозглашается приоритет национального законодательства, хотя **это национальное законодательство должно обеспечивать порядок осуществления фундаментальных прав**, поэтому на **практике** не применяется не только Конвенция, но и **ни одна** международная норма. А поскольку правоприменители полностью освобождены от ответственности за нарушение не только норм международного права, но и национального законодательства, поэтому Произвол, то есть тотальное Беззаконие стали абсолютной нормой правоприменения, особенно, когда самим Конституционным Судом РФ утверждается, как должно быть, но это **«должно быть» не рассматривается в контексте фактических обстоятельств**, поэтому **практика перестала иметь отношение к теории**. То есть самим Конституционным Судом РФ **созданы условия** для Произвола и тотального Беззакония. То есть Конституционный Суд РФ стал **источником уничтожения органов власти**, поскольку в условиях Беззакония и Произвола они **неспособны выполнять возложенные на них функции**.

3.5 Статья 103 УК РФ. Зачет времени принудительных мер медицинского характера.

В случае излечения лица, у которого психическое расстройство наступило после совершения преступления, при назначении наказания или возобновлении его исполнения время, в течение которого к лицу применялось принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, **засчитывается в срок наказания из расчета один день пребывания в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, за один день лишения свободы**.

(в ред. Федерального закона от 25.11.2013 N 317-ФЗ).

Обоснование нарушений.

Бохонову А.В. не назначались принудительные меры медицинского характера, однако он для этих целей **откровенно преступными способами** помещался в психиатрические стационары для производства судебно-психиатрических экспертиз. При этом необходимо «реально учитывать не только **формальное наличие средств правовой защиты** в правовой системе Договаривающегося государства, участвующей в деле, но также и **общий правовой и политический контекст**, в котором они применяются, и **личное положение заявителя (...)**» (§ 77 **Постановления от 28.07.99 г. по делу «Сельмуни против Франции»**). Общим правовым и политическим контекстами, которые определяют личное положение Бохонова А.В. является то, что СИЗО и ИВС в России – это **фабрики пыток**, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и предназначены для истребления неугодных существующему режиму, а также для криминализации всего общества. Содержание в СИЗО и ИВС в России гораздо хуже, чем условия ареста, поскольку навязываемые Жертвам адвокаты их, как правило, не посещают и никакой юридической помощи не оказывают. Зато эти адвокаты с особым усердием помогают фальсифицировать уголовные дела, заключать Жертв под стражу и в психиатрические стационары, а затем их осуждать. И дело «Васенин против РФ», рассмотренное ЕСПЧ 21.06.16 г., является ярким тому

подтверждением. А если мы возьмем **дело Усманова Р.Р., о котором знают все судьи Конституционного Суда РФ**, то дело Васенина покажется просто детской забавой. Но если дело Васенина закончилось ничем для России, то дело Усманова Р.Р. мы обсудим в судах Европы или США по месту его жительства, когда он с ним определится, поскольку «... лишение свободы заявителя было незаконным с точки зрения национального законодательства, поскольку **уголовное разбирательство в его отношении было незаконным с самого начала**, так как он пользовался иммунитетом от преследования в период, относящийся к обстоятельствам дела. Этот суд счел, что ситуация имела **характер грубого и явного нарушения**, учитывая, что национальное законодательство в абсолютных и достаточно четких выражениях **запрещало возбуждение уголовных дел в отношении лиц, имеющих иммунитет от уголовного преследования**» (§ 105 Постановления от 12.02.13 г. по делу «Ефименко против РФ»).

3.6 Часть 3 ст. 72 УК РФ, исчисление сроков наказаний и зачет наказания во взаимосвязи с ч. 10 ст. 109 УПК РФ, предусматривающей зачет времени в срок нахождения под стражей, на которое лицо было задержано в качестве подозреваемого (п. 1); домашнего ареста (п. 2) и в психиатрическом стационаре (п. 3).

3. Время содержания лица под стражей до судебного разбирательства **засчитывается в сроки лишения свободы**, принудительных работ, содержания в дисциплинарной воинской части и **ареста из расчета один день за один день**, ограничения свободы - один день за два дня, исправительных работ и ограничения по военной службе - один день за три дня, а в срок обязательных работ - из расчета один день содержания под стражей за восемь часов обязательных работ.

Часть 10 статьи 109 УПК РФ:

10. В срок содержания под стражей также засчитывается время:

1) на которое лицо было задержано в качестве подозреваемого;

2) домашнего ареста;

3) принудительного нахождения в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, по решению суда;

(в ред. Федерального закона от 25.11.2013 N 317-ФЗ)

4) в течение которого лицо содержалось под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации в соответствии со **статьей 460** настоящего Кодекса.

Обоснование нарушений.

Таким образом, применение на практике ч. 3 ст. 72 УК РФ позволяет наказание в виде АРЕСТА, максимальный срок которого **не может превышать 6 месяцев**,

- **приравнивать** к наказанию в виде лишения свободы в колонии-поселении с благоприятными условиями, несопоставимыми **по своей жестокости** в условиях СИЗО, на срок до 5 лет.

- увеличивать наказание в виде **фактического АРЕСТА** в условиях пытки, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения не только на 6 месяцев, но и за пределами пятилетнего срока, как это было, например, в деле **«Полонский против РФ»**.

Очевидно, что наказание определяется условиями содержания и эти условия в данном случае не только **сильно отличаются, но вообще не учитываются**, хотя **недопустимо** «бессрочное и недифференцированное ограничение ... права» (абзац 2 п. 2.1 мот. части Определения № 13-О от 18.01.18 г. по жалобе гражданина Навального Алексея Анатольевича). При этом важно иметь ввиду, что это государство **должно** платить Жертвам компенсации и за **откровенно преступные способы** помещения в СИЗО, ИВС и психиатрические стационары, и за пыточные, варварские условия, до которых эти СИЗО, ИВС и психиатрические стационары **доведены**. Но если

о СИЗО и ИВС сказано достаточно много, то **условия содержания в психиатрических стационарах доведены до адских**. Это особенно касается Нижегородской области, где **на одной койке в коридоре могут спать по двое, а питание позволяет не жить, а выживать**. То есть психиатрические стационары Нижегородской области – это современные концлагеря, находящиеся на грани доведения до убийств, как это имело место в Кемеровском интернате для детей-инвалидов (<http://www.aif.ru/health/265556>). И эти **адские условия** вообще не прописаны в УК РФ, хотя приравнены к лишению свободы (ст. 103 УК РФ). При этом сложно понять, как можно приравнять **реальные** Пытки и Истязания, Убийства и доведение до самоубийств нейрорепрессантами и обычное лишение свободы, неотягощенные этими Ужасами: "Файнберг! Будет время, когда смерть вам покажется невероятным, недостижимым счастьем!" И это время скоро наступило..." («Как лечить инакомыслящих»: <https://arzamas.academy/materials/1168>). Бохонова А.В. это коснулось в малой степени, когда **откровенно преступными способами** его сначала поместили в ГБУЗ МО «Психиатрическая больница № 2 им. В.И. Яковенко», где он **содержался в коридоре**, а затем в институт имени Сербского В.П.

Фактически,

-к 30.09.2017 Бохонов А.В. отбыл максимальный срок наказания в виде АРЕСТА - один раз.

- к 29.03.2018 Бохонов А.В. отбыл максимальный срок наказания в виде АРЕСТА - второй раз.

- после 29.03.2018 в связи с апелляционным обжалованием приговора, которым назначено наказание в колонии-поселении, Бохонов А.В. **незаконно** продолжает отбывать наказание в виде АРЕСТА - третий раз и это при том, что **он давно уже имел право на условно-досрочное освобождение**.

- если приговор не будет отменен и вступит через месяц-другой в законную силу, то Бохонов А.В. будет направлен в колонию-поселение, где оставшиеся 1-4 месяца (в зависимости от произвольной длительности апелляционной процедуры) проведет в колонии-поселении, несмотря на то, что его должны освободить по основаниям условно-досрочного освобождения.

То есть, до вступления приговора в законную силу Бохонов А.В. отбудет 3 наказания в виде АРЕСТА, а после вступления якобы в законную силу он будет отбывать 4-е наказание согласно приговору и при этом всеми растоптано право Бохонова А.В. на УДО.

Какое отношение такое законодательство и правоприменение имеет к справедливости, пропорциональности, законности и элементарной разумности здравомыслящему человеку понять очень сложно. Но поскольку это Россия и у неё особый путь развития, а Пытки, Истязания и истребление лучших практиковались во все времена, поэтому можно считать, что в ней разрешено всё, что запрещено в любой цивилизованной стране, где *leges regnant populus* – законы управляют людьми, а не люди законами вертят, как хотят, поскольку *iustitia est obtemperatio scriptis legibus* – справедливость – это **повиновение** писанным законам.

3.7 Право на условно-досрочное освобождение в контексте назначаемого наказания.

«... гарантия справедливого судебного разбирательства, является в соответствии с Конвенцией целью статьи 6 и одним из основных принципов любого демократического общества (...)... правосудие не останавливается возле тюремных ворот, и в соответствующих случаях заключенные не могут быть лишены гарантий статьи 6 Конвенции... (§ 69 Постановления от 09.10.03 г. по делу «Эзе и Коннорс против Соединенного Королевства»)... Характер и суровость

наказания, которое "могло быть назначено" заявителям (...), определяется с учетом максимального наказания, которое потенциально может быть назначено в соответствии с национальным правом (...). **Фактически назначенное наказание имеет значение при разрешении вопроса о наличии нарушения** (...), но это не может уменьшить важность того, что для заявителя стояло на кону изначально (...) (§ 120 там же)... практика предоставления права на освобождение от наказания, существовавшая в то время, **заставляла заключенного правомерно надеяться на возвращение на свободу по истечении срока лишения свободы**, а лишение заключенного **данного права** продлеvalo срок заключения сверх периода, соответствовавшего ожиданиям заключенного (...)... (§ 121 там же)... **может быть необходимым рассматривать не внешние признаки и использованный язык, а реалии ситуации. Реалии продления срока лишения свободы** таковы, что заключенные в результате отдельных дисциплинарных нарушений, наказания за которые в соответствии с законом не связаны с первоначальным приговором, **содержатся в тюрьме сверх положенных сроков** (§ 123 там же)... "В обществе, где действует принцип верховенства права, наказания в виде лишения свободы отнесены к "уголовной сфере", за исключением тех, которые по своему **характеру, продолжительности или способу исполнения** не могут считаться **наносщими ощутимый вред**. Серьезность того, что поставлено на карту, традиции Договаривающегося государства и значение, придаваемое **Конвенцией** уважению физической свободы личности, - все это **требует**, чтобы именно так оно и было". Соответственно, **учитывая наказания в виде лишения свободы**, которым рисковали подвергнуться и которые в действительности были назначены заявителям, можно предположить, что выдвинутые против них обвинения были по своему характеру "уголовно-правовыми" по смыслу **статьи 6** Конвенции; данное предположение могло быть опровергнуто лишь в исключительных случаях, когда **данные наказания по своему характеру, продолжительности или способу исполнения не могли считаться наносщими ощутимый вред**» (§ 126 там же).

«... "хотя по своей форме **досрочное освобождение может рассматриваться как предоставление льготы, фактически потеря такой возможности является наказанием** или **утратой заключенным его права**"... возможность утраты реального права на досрочное освобождение ... равно как и фактическое лишение ... такого права ... повлекли за собой столь **серьезные последствия в отношении продолжительности его заключения в тюрьме**, что данное **наказание** должно рассматриваться для **целей Конвенции** как наказание за "уголовное" правонарушение... В то же время **предмет и цели Конвенции требуют**, чтобы **установление столь суровой меры наказания сопровождалось гарантиями, содержащимися в статье 6 Конвенции...**» (§ 72 Постановления от 28.06.84 г. по делу «Кемпбелл и Фелл против Соединенного Королевства»).

Таким образом, Конвенция гарантирует применение условно-досрочного освобождения, если для этого имеются законные основания и утрата этой возможности является **формой наказания** за то, в чем Жертва неповинна, а также это является нарушением права Жертвы. То есть это относится к Произволу власти.

В силу положений ст. 79 УК РФ, имеющих отношение к рассматриваемым вопросам:

1. Лицо, **отбывающее** содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или **лишение свободы**, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления **оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания**, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания.

(в ред. Федеральных законов от 08.12.2003 N 162-ФЗ, от 07.12.2011 N 420-ФЗ, от 28.12.2013 N 432-ФЗ)

2. Применяя условно-досрочное освобождение, суд может возложить на осужденного обязанности, предусмотренные **частью пятой статьи 73** настоящего

Кодекса, которые должны им исполняться в течение оставшейся не отбытой части наказания.

3. Условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осужденным:

а) **не менее одной трети срока наказания, назначенного за преступление небольшой или средней тяжести;**

(в ред. Федерального закона от 09.03.2001 N 25-ФЗ)

4. **Фактически** отбытый осужденным срок лишения свободы не может быть менее шести месяцев.

Обоснование нарушений.

Таким образом, согласно приведенного понятно, что **если** лицо совершило преступление, то за это преступление оно может быть освобождено условно-досрочно. И условно-досрочное освобождение в большей мере связывается не с самим осуждением, как таковым, а в связи с **сущностными признаками**, которые дают **основания** для освобождения. **Основными** основаниями для освобождения в данном случае являются: 1. Отбытие не менее одной трети срока наказания – Бохонов А.В. отбыл уже **две трети**, а не одну треть; 2. За преступление небольшой или средней тяжести – ч. 1 ст. 318 УК РФ относится к преступлению средней тяжести в силу ч. 3 ст. 15 УК РФ. То есть **законные основания** для условно-досрочного освобождения существовали **на момент** вынесения приговора 29.03.18 г.

Затем эти **законные основания** существовали исходя из **факта отбытого наказания**, признанного 29.03.18 г., поскольку эти **две трети наказания** были зачтены в общий срок.

Правоприменители России посчитали, что для того, чтоб было применено УДО необходимо, чтоб приговор вступил в законную силу и Бохонов А.В. стал считаться осужденным. Но даже признание Бохонова А.В. осужденным после вступления приговора в законную силу не устраняло **последствий** отбытия им **реального** наказания в размере двух третей, что являлось объективным фактом и это порождало **правовые последствия** для применения УДО. То есть мы имеем чрезмерный формализм, не имеющий никакого отношения к разумности.

Несмотря на то, что «... внутригосударственным судам при применении процессуальных норм надлежит избегать как чрезмерного формализма, так и чрезмерной гибкости, которые могут привести к отмене процессуальных требований, установленных законом (...)» (§ 110 **Постановления от 20.02.14 г. по делу «Шишков против РФ»**), однако «... районный суд истолковал процессуальную норму ... **способом**, который **воспрепятствовал рассмотрению жалобы заявителя по существу**, в результате чего право последнего на эффективную судебную защиту было нарушено (...)» (§ 57 **Постановления от 01.04.10 г. по делу «Георгий Николаевич Михайлов против РФ»**).

В результате «Принимая решение ..., национальные суды не только наказали его за несоблюдение им формального требования. Они также **установили для заявителя существенные ограничения, препятствующие рассмотрению его ... требований судами**. Таким образом, в настоящем деле затронута не просто проблема толкования правовых норм в обычном контексте, но проблема **необоснованного** толкования процессуального требования, которое **препятствовало** рассмотрению исков заявителя **по существу и поэтому затрагивало сущность его права на обращение в суд (...)**. Такое негибкое применение процессуального правила, **без учета конкретных обстоятельств, не может считаться соответствующим пункту 1 статьи 6 Конвенции»** (§ 32 **Постановления от 22.12.09 г. по делу «Сергей Смирнов против РФ»**).

Также «... "чрезмерный формализм" может **противоречить требованию** обеспечения практического и эффективного права доступа к суду в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (...). Обычно это происходит в случаях особенно строгой конструкции процессуальной нормы, **препятствующей рассмотрению** иска заявителя **по существу с сопутствующим риском нарушения его права на эффективную защиту судом (...)** (§ 97 **Постановления от 05.04.18 г. по делу «Зубак против Хорватии»**)... При проведении этой оценки Суд часто подчеркивал **вопросы «правовой определенности»** и **«надлежащего отправления правосудия»** в

качестве двух **центральных элементов** для проведения различия между чрезмерным формализмом и приемлемым применением процедурных формальностей... **право на доступ к суду ущемляется в тех случаях, когда нормы перестают служить целям правовой определенности и надлежащего отправления правосудия и создают своего рода барьер, препятствующий тому, чтобы его или её дело было рассмотрено по существу компетентным судом (...)**» (§ 98 там же).

Но поскольку «**процессуальные права обычно идут рука об руку с процессуальными обязательствами**» (§ 93 Зубак), поэтому, решая вопросы судебной процедуры и **соответствующей ответственности**, необходимо учитывать, во-первых, «**доступность соответствующей практики для заявителя и является ли он или она представлен квалифицированным юристом (...)**» (§§ 89, 93 там же); во-вторых, важным является выявление «процессуальных ошибок, которые имели место в ходе разбирательства и которые в конечном итоге не позволили заявителю получить доступ к суду, и принятия решения о том, был ли заявитель вынужден нести чрезмерное бремя в связи с такими ошибками. В тех случаях, когда рассматриваемая процессуальная ошибка возникает только с одной стороны, заявитель или соответствующие органы, в частности суд (суды), в зависимости от дела, Суд обычно склонен возлагать бремя на того, кто допустил это (...)» (§ 90 там же) и «**ограничение доступа к суду будет несоразмерным, если недопустимость средства правовой защиты является результатом отнесения ошибки на заявителя, за которое он или она не несет объективной ответственности (...)**» (§ 95 там же).

Из приведенного можно сделать вывод о том, что российские правоприменители реально паралогически толкуют подлежащие применению нормы права в результате чего приходят к реальным паранойальным выводам, которые **не имеют ничего общего с надлежащим отправлением правосудия**, то есть эффективным восстановлением нарушенного права (ст. 8 Всеобщей декларации прав человека) и **создают барьер, препятствующий тому, чтобы дела Жертв были рассмотрены по существу компетентным судом** (§ 39 **Постановления от 02.12.14 г. по делу «Урекян и Павличенко против Молдовы»**): «... ограничение будет несовместимо с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, если оно не преследует законную цель и, если не существует **разумной соразмерности** между применяемыми мерами и преследуемой целью (...). Право на доступ к суду **нарушается**, когда законные положения больше не служат задачам правовой безопасности и надлежащего управления правосудием и создают барьер, препятствующий рассмотрению дела заявителя по существу компетентным судом (...). Однако в любом случае **«Власти должны делать то, что является разумным в данных обстоятельствах для сбора и обеспечения доказательств, изучения всех практических средств раскрытия истины и принятия полностью обоснованных, беспристрастных и объективных решений, не оставив без внимания подозрительные факты...»** (§ 66 **Постановления от 05.12.17 г. по делу «Алковиц (Alković) против Монтенегро»**).

В связи с изложенным напоминаем, что «... средство правовой защиты, предусмотренное статьей 13 Конвенции, **должно быть "эффективным"** как на практике, так и в законодательстве **с целью предупреждения предполагаемого нарушения либо его пресечения** или предоставления адекватного возмещения за любое нарушение, которое уже произошло (...) (§ 64 **Постановления от 06.02.14 г. по делу «Семихвостов против РФ»**).

Когда речь идет об **основополагающем** праве на защиту от пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, **превентивные** и компенсаторные средства правовой защиты **должны** дополнять друг друга, чтобы считаться эффективными. Наличие **превентивного** средства правовой защиты является **обязательным** для эффективной защиты лиц от обращения, **запрещенного** статьей 3 Конвенции. Действительно, **особая важность**, которую Конвенция придает этому положению, **требует** ..., чтобы государства-участники **учредили** в дополнение к компенсаторному средству правовой защиты **эффективный механизм для оперативного пресечения любого такого обращения**. В противном случае перспектива присуждения компенсации в будущем могла бы узаконить особенно сильные страдания, нарушающие это ключевое положение Конвенции (...)

же)... Европейский Суд отклонил как неэффективную предусмотренную **главой 25** Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации жалобу в суд на нарушение прав и свобод и ходатайство о досрочном освобождении (...), решив, что власти Российской Федерации не смогли подтвердить практическую эффективность таких средств правовой защиты примерами из правоприменительной практики. В настоящем деле **власти Российской Федерации также не смогли объяснить, как данные процедуры должны были работать в отношении жалоб заключенных, особенно когда они касались очень специфических проблем, связанных с условиями содержания под стражей.** Отсутствие установленной четкой и доступной судебной практики в этом отношении особенно проявилось с учетом представленных сторонами весьма противоречивых описаний процедуры, в соответствии с которой заявитель добивался досрочного освобождения (...)... » (§ 67 там же).

3.8 Статья 18 Конституции РФ в контексте нарушения части 2 ст. 55 Конституции РФ.

статья 18 Конституции РФ:

Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. **Они определяют смысл, содержание и применение законов**, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

часть 2 ст. 55 Конституции РФ:

В Российской Федерации **не должны** издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина.

Обоснование нарушений.

Так как в России de facto созданы три класса: 1. господ, 2. обслуживающие их под видом органов власти преступные и террористические организации и 3. рабов, поэтому и принятие законов, и их применение имеют и разные цели, и разные средства. Если члены класса господ de facto наделены правом на полное отрицание законности и они в нарушение ч. 2 ст. 15, ч. 1 ст. 19, ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 45 Конституции РФ законам вообще не подчиняются, а члены обслуживающих их действующих под видом органов власти преступные и террористические организаций **освобождены от ответственности за совершаемые преступления** в отношении рабов, то рабы силу законов испытывают на себе в полной мере, поскольку эти законы членами обслуживающих господ действующих под видом органов власти преступных и террористических организаций толкуются паралогически в результате чего объективной реальностью является **параноидная Шизофрения, в которую погружены все классы.** Разница заключается только в том, что члены класса господ наделены полным правом на любую вседозволенность, какая бы им не пришла в голову и с помощью **дискриминационных законов** наделили себя правом распоряжаться бюджетом по своему усмотрению, **разворовывая его в любых масштабах, какие им потребуются** для удовлетворения своих прихотей, а членам действующих под видом органов власти преступных и террористических организаций класс господ **создал условия для жизни, позволяющие с ужасом воспринимать их переход в класс рабов.** Поэтому членам класса рабов и членам действующих под видом органов власти преступных и террористических организаций ничего не остается делать, как вцепиться друг другу в глотки и потешать своих хозяев, которые им иногда бросают подачки **со своего царского**, то есть как бы принадлежащего всему народу бюджета, стола. Но поскольку **члены класса господ абсолютно освобождены от ответственности за совершаемые преступления** и знают, что рабов они могут держать в страхе **только** посредством преступных и террористических организаций, действующих под видом органов власти, поэтому для **этих целей и создаются так называемые законы, которые не имеют разумного объяснения.** Члены преступных и террористических организаций, действующих под видом органов власти,

объяснить творящееся Безумие не могут. Члены класса господ объяснять значение совершаемых ими действий вообще не намерены. А рабы, у которых хата с краю, не имеют ни механизмов, ни желания узнать причины, по которым содержание в условиях домашнего ареста приравнивается к условиям содержания в СИЗО и ИВС, а также равнозначны от колонии-поселения до тюрьмы, хотя эти условия не равнозначны в силу УИК РФ. То есть всё упирается в бюджетные средства, которые предназначены для разворовывания членами класса господ в размерах, которые им необходимы для удовлетворения своих **прихотей, которым не может быть конца и края**, что было установлено в Библии: «У ненасытности две дочери: «давай, давай!» Вот три ненасытимых, и четыре, которые не скажут: «довольно!» (п. 15 главы 30 Притчей Соломона). Естественно, что при таком положении для наведения порядка в тех казематах, куда помещаются рабы, денег не хватало и **не хватит никогда**. Поэтому **дискриминационное отношение к бюджетным средствам приводит к дискриминационному отношению ко всем слоям общества и законодательству в целом**, которое находится в **прямой зависимости** от того, на какие цели надо израсходовать первоочередно. А поскольку промышленность в России практически уничтожена и **остатки от неё переданы** членам класса господ, то есть выручки от продажи национальных товаров не предвидится, поэтому **принимаемые законы имеют и двойное предназначение, и двойное применение в зависимости от преследуемых целей**, которые могут меняться практически ежедневно. Используемая параноидная Шизофрения и **сопутствующие ей индуцированные психические расстройства** является всего лишь средствами и **неминуемыми последствиями**.

Однако факт остается фактом: условия досудебного лишения свободы и условия лишения свободы после вынесения приговора не имеют ни разумного оправдания, ни разумного объяснения, являются **непропорциональными** и откровенно дискриминационными, а поэтому не отвечающими требованиям «качества закона», которых **требует** верховенство права в демократическом обществе.

В связи с этим фактическое **наказание** в условиях СИЗО и ИВС, то есть **заключение** (§ 98 **Постановления от 12.02.13 г. по делу «Ефименко против РФ»**), **несоразмерно** инкриминируемым даже совершенным преступлениям, не говоря о преступлениях, которые инкриминируются в отношении неудобных существующему режиму с преступной целью расправы с ними.

Именно поэтому невозможно добиться понимания того, что «... государственные органы **обязаны обеспечить**, чтобы ограничение права ... с момента его введения и **в течение всего срока его действия** было **обоснованным** и **соразмерным**. Как правило, **должна** быть предусмотрена возможность осуществления судебного контроля в отношении **оценки обоснованности** и **соразмерности ограничения**, поскольку суды обеспечивают наилучшие гарантии независимости, беспристрастности и **правомерности применяемых процедур**. Объем судебного контроля **должен обеспечивать** возможность учета **всех обстоятельств дела**, в том числе тех, которые касаются вопроса о **соразмерности** ограничительной меры (...) (§ 32 **Постановления от 20.09.16 г. по делу «Власов и Беньяш против РФ»**)... ограничения могут быть признаны обоснованными в конкретном случае лишь **при условии**, что имеются очевидные **признаки** того, что существует реальный общественный интерес, который перевешивает право отдельного лица ... **Ограничения также должны быть основаны на конкретных доказательствах, достоверно свидетельствующих** о наличии продолжающейся угрозы, на предотвращение которой направлены данные меры... **общее и практически автоматическое ограничение не может быть признано необходимым** (...)... (§ 34 там же)... **автоматический запрет ... без учета личных обстоятельств заинтересованного лица не может быть признан "необходимым в демократическом обществе"**» (§ 37 там же).

Также, «... существующая правовая база и толкование руководящих принципов вышестоящих судов **должны быть дополнены обязанностью судов** первой и кассационной инстанций **рассматривать особые обстоятельства** дела, что может потребовать от них как от **гарантов конвенционных прав** принятия **особых мер индивидуального характера**, способных компенсировать трудности, возникшие из-за отсутствия свидетеля в зале суда. **Суды проверяют**, предполагает ли

выбранное решение **соблюдение прав обвиняемого, позволяют ли ему эффективно участвовать в рассмотрении дела и избежать помещения его в существенно неблагоприятное положение vis-a-vis (фр. - по отношению к) к стороне обвинения»** (§ 64 **Постановления от 12.12.17 г. по делу «Задумов против РФ»**).

3.9 Международное право, подлежащее применению в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ во взаимосвязи со статьями 2, 17 (части 1 и 2), 18 Конституции РФ.

«... **должна быть некая взаимосвязь между упомянутым основанием допустимого лишения свободы и местом и условиями содержания.** (§ 78 **Постановления от 13.01.11 г. по делу «Гайдн против Германи»**)... В отношении назначения наказаний ... вопросы **надлежащего применения наказаний** в основном не относятся к сфере действия Конвенции, **но ... произвольный или несоразмерно длительный срок** наказания может при определенных обстоятельствах **вызывать вопросы** в соответствии с Конвенцией (...). Точно так же нельзя исключать, что оставление заключенного в **состоянии неопределенности в течение длительного срока относительно его будущего, особенно длительности его лишения свободы** или лишение заключенного перспективы освобождения могут также **вызвать вопрос с точки зрения статьи 3 Конвенции** (...). Кроме того, **факт отсутствия правовой основы наказания или законности для целей Конвенции является еще одним фактором**, способным повлечь признание нарушения статьи 3 Конвенции в отношении осуждения лица (...). Эти принципы могут применяться с необходимыми изменениями по отношению к лицу, **содержащемуся в тюрьме в превентивных целях после полного отбытия им наказания...**» (§ 107 там же)... указанные обстоятельства, при которых **заявитель содержался после полного отбытия им наказания**, должны были вызвать у него чувства унижения и неопределенности **относительно будущего, выходящие за пределы неизбежного элемента страдания, связанного с любым лишением свободы...**» (§ 110 там же).

Необходимо «выяснить, соответствует ли само национальное законодательство положениям Конвенции, в том числе прямо или косвенно выраженным в ней общим принципам... если речь идет о лишении свободы, особенно важно, чтобы был соблюден общий принцип правовой определенности. Поэтому **очень важно**, чтобы **условия лишения свободы**, содержащиеся в национальном законодательстве, были ясно определены, а также чтобы можно было предвидеть применение самого законодательства, то есть чтобы национальное **законодательство отвечало стандарту "законности", установленному Конвенцией**, стандарту, который **требует**, чтобы законодательство было достаточно точным, чтобы позволить частному лицу - если будет необходимо, после соответствующих рекомендаций - предвидеть в разумных пределах **последствия**, к которым может привести конкретное деяние (...) (§ 125 **Постановления от 08.11.05 г. по делу «Худоеров против РФ»**)... национальные органы ни разу не рассматривали вопрос о том, **не превысил ли срок содержания заявителя под стражей "разумные пределы"**. Необходимость в таком **анализе** должна была стать особенно заметной после того, как заявитель провел под стражей более двух лет, и **истекли все дозволенные национальным законодательством сроки содержания под стражей** (§ 178 там же)... необходимость "обеспечивать... исполнение приговора"... это основание для содержания под стражей предусмотрено только в подпункте "а" пункта 1 статьи 5 Конвенции, который регулирует содержание под стражей лица, "осужденного компетентным судом". Однако в настоящем деле заявитель **не был осужден**, и ссылка национальных судов на это основание являлась предрешением дела по существу, представлением осуждения в качестве **единственно возможного исхода рассмотрения дела**» (§ 179 там же).

«Возвращаясь к **статье 5** Конвенции..., возобновление уголовного разбирательства и пересмотр дела не стали соответствующим и достаточным возмещением ущерба для заявителя в отношении его жалобы на основании **подпункта "а" пункта 1 статьи 5** Конвенции. Проведя **более шести лет в заключении** ..., заявитель претерпел значительное вмешательство в его право на свободу и не получил компенсации или

другого соответствующего и достаточного возмещения. Действительно, власти Российской Федерации не утверждали, что заявитель мог получить компенсацию в рамках российского законодательства при обстоятельствах его дела» (§ 98 Постановления от 12.02.13 г. по делу «Ефименко против РФ»).

При этом, независимо от параноической интерпретации ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, которую понимают исключительно как необходимость применения Конвенции, поскольку это «понимание» **не учитывает взаимосвязанные** с ней **требования** ст. 17 Конституции РФ, необходимо помнить о том, что в силу ст. 53 Венской конвенции о международных договорах: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме **общего международного права**. Поскольку это касается настоящей Конвенции, **императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо** и которая может быть изменена **только** последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер».

Поскольку **государство обязано признавать и гарантировать права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права** (ч. 1 ст. 17 конституции РФ), поэтому «Каждый действующий договор **обязателен** для его участников и **должен** ими добросовестно выполняться» (статья 26) и «Участник **не может** ссылаться на **положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора**» (статья 27), что будет рассмотрено отдельно и более подробно. Важно лишь иметь в виду, что российское законодательство в части установления вида наказания и не учитывающее условия содержания Жертв не отвечает требованиям законности и верховенству права, то есть его **предсказуемости, которые достаточно подробно** объяснены в упомянутом выше **Постановлении от 27.01.2015 г. по делу «Рохлена против Чешской Республики»**.

4. Правовые последствия применения обжалуемых **неконституционных** норм права и создавшейся правоприменительной практикой, «... **когда нормы перестают служить целям правовой определенности и надлежащего управления правосудия и создают ... барьер, препятствующий тому, чтобы ... дело было рассмотрено по существу компетентным судом (...)**» (§ 98 Постановления от 05.04.18 г. по делу «Зубак против Хорватии»).
- 4.1 Итак, ст. 72 УК РФ и устоявшаяся правоприменительная практика показывают, что Бохонов А.В. содержался и продолжает содержаться **в тюремных условиях** после **полного отбытия** им предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ наказания в виде АРЕСТА в условиях строгой изоляции в нарушение ст. 15 Пакта, ст. 7 Конвенции, ст. 21, ч. 1 ст. 50 Конституции РФ и не будучи осужденным в нарушение ч.ч. 1, 3 ст. 49 Конституции, а также, что после вступления приговора в якобы законную силу с нарушением п. 2 ст. 14 Пакта, п. 2 ст. 6 Конвенции, ч. 2 ст. 50 Конституции РФ он подвергнется иному виду наказания в нарушение опять-таки ст. 15 Пакта, ст. 7 Конвенции, ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, поскольку *nemo debet bis puniri pro uno delicto* – никто не должен дважды наказываться за одно преступление.
- 4.2 Также ст. 72 УК РФ и устоявшаяся правоприменительная практика позволяет **подменять** более мягкие виды наказания более строгими, что указывает на узаконенный Произвол: колонию-поселение, штраф на длительный незаконный арест в условиях строгой изоляции, психологической пытки, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, что **само по себе обязывает выплату компенсации, превышающую штраф**.
- 4.3 Устоявшаяся правоприменительная практика показывает, что помещение под стражу на срок свыше максимального срока наказания в виде ареста является предрешением дела по существу, представлением осуждения в качестве **единственно возможного**

исхода рассмотрения дела, а также предрешением выбора конкретного вида наказания до вынесения приговора.

- 4.4 При этом, поскольку российские правоприменители паралогически толкуют подлежащие применению нормы права и чрезмерный формализм (§§ 97, 98 **Постановления от 05.04.18 г. по делу «Зубак против Хорватии»**) стал абсолютной нормой, поэтому становится **невозможным** применение условно-досрочного освобождения по **основаниям**, предусмотренным ст. 79 УК РФ.
5. Однако, наличие права **обязывает** «органы государственной власти **создавать условия для его осуществления**» (абзац 1 п. 2 **Постановления КС РФ № 16-П от 19.04.18 г.**). Обязанность органов власти по **обеспечению** права гражданина обусловлена **«требованием** соблюдения вытекающих из Конституции РФ принципов равенства и справедливости, а также **принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства**, который, помимо прочего, **предполагает, что приобретенное гражданами на основе ранее действовавшего правового регулирования право будет уважаться властями и будет реализовано** (...) (абзац 4 п. 3.1 там же)... само по себе изменение юридического статуса органов ..., предпринятое в целях оптимизации их деятельности, **не должно влечь прекращения обязательств**, возникших перед гражданином ... и вытекающих из его законодательно установленного статуса» (абзац 6 п. 3.2 там же). При этом, ни федеральный законодатель, ни, тем более правоприменитель в силу ст. 2, ч. 2 ст. 15, ст. 18 Конституции РФ в своем намерении **не могут «не исходить** из того, что **обязательства должны исполняться надлежащим образом**» (абзац 7 п. 3.2 там же).

Разрешая вопрос порядка осуществления права «...федеральный законодатель наделен достаточно широкой дискрецией, которая, однако, **имеет пределы, заданные Конституцией РФ, обязывающей государство** гарантировать равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, а также каких бы то ни было других обстоятельств (статья 19, часть 2). При этом он **должен** принимать во внимание **предписания** Конституции РФ, согласно которым каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией РФ (статья 6, часть 2), **запрещается** издание законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина (статья 55, часть 2), **ограничения** же прав и свобод человека и гражданина федеральным законом **допустимы** лишь в той мере, **в какой это необходимо в конституционно значимых целях** (статья 55, часть 3), и если такие ограничения не посягают на само существо права и не приводят к утрате его основного содержания» (абзац 5 п. 2 мот. части **Постановления КС РФ № 15-П от 17.04.18 г.**).

Что касается исключения из общего правила, то оно **«должно быть в достаточной степени определенным, не вызывающим сомнений и не допускающим двоякого толкования, с тем чтобы сохранялось внутреннее содержание и единство правового регулирования**... (абзац 8 п. 3.2 **Постановления КС РФ № 16-П от 19.04.18 г.**)... в случаях, когда **толкование нормы права** официальными актами государственных, в том числе **судебных, органов** не устраняет - вследствие наличия разных вариантов ее интерпретации - неясность правового регулирования, при решении вопроса о том, какой из этих вариантов предпочтителен для определения прав и обязанностей участников соответствующих правоотношений, **необходимо руководствоваться конституционными принципами равенства и справедливости**, а также **требованиями формальной определенности правовых норм**, с тем чтобы избежать отступления от универсальных начал законодательного регулирования и правоприменения, вытекающих из статей 1 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ (абзац 1 п. 4 там же). Однако, если взаимоисключающие варианты толкования одной и той же нормы (продиктованные, помимо прочего, различиями в ее понимании при **сопоставлении с другими нормами**) оказываются не лишенными определенного юридического обоснования, укладываемого в конституционные **рамки** законодательного усмотрения, а **единая судебная практика** применения

такой нормы не сформирована, установление ее действительного юридического содержания даже с помощью обращения к конституционным целям и принципам может оказаться весьма затруднительным. **В подобной ситуации наиболее корректным способом выявления намерений законодателя при введении соответствующего правового регулирования является - во исполнение принципа разделения властей (статья 10 Конституции Российской Федерации) - законодательное уточнение нормативных положений, **неясность (неоднозначность) которых, не преодолимая средствами юридического толкования**, создает серьезные препятствия для полноценного обеспечения принципа равенства перед законом и судом в процессе их применения (абзац 2 там же)... Соответственно, до устранения указанных недостатков ... не может оцениваться как согласующаяся с общеправовым критерием определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы, без которого **недостижимо ее единообразное понимание и применение**, что ... неминуемо препятствует адекватному уяснению содержания и **предназначения** правового регулирования, **допускает возможность неограниченного усмотрения** публичной власти в процессе правоприменения, **создает предпосылки для административного произвола и избирательного правосудия, ослабляя тем самым гарантии защиты конституционных прав и свобод**; поэтому **самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы вполне может быть достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции РФ** (...) (абзац 4 там же). Отсутствие в действующем федеральном законодательстве юридической определенности ... влечет серьезные издержки в правоприменении, не поддающиеся исправлению посредством конституционно-правового истолкования, что не отвечает принципам правового государства, верховенства права и равенства перед законом, закрепленным в статьях 1 (часть 1), 4 (часть 2), 15 (части 1 и 2) и 19 (части 1 и 2) Конституции РФ» (абзац 5 там же).**

Решая вопросы уголовного судопроизводства необходимо иметь ввиду, что «Конституция РФ, провозглашая Россию демократическим правовым государством, в котором высшей ценностью являются человек, его права и свободы и **обязанность** которого составляют **признание, соблюдение и защита** прав и свобод человека и гражданина, **гарантирует** каждому **судебную защиту** его прав и свобод, **обеспечение их правосудием** на основе равенства перед законом и судом (статья 1, часть 1; статьи 2 и 18; статья 19, часть 1; статья 46, часть 1), а потому **к качеству законов**, опосредующих взаимоотношения граждан с публичной властью, в частности устанавливающих меры юридической ответственности за правонарушения, **предъявляются особые требования** (абзац 1 п. 2 мот. части **Постановления КС РФ № 17-П от 25.04.18 г.**)... из **принципов** правового государства и справедливости вытекает обращенное к законодателю **требование** формальной определенности, ясности и непротиворечивости правового регулирования, **взаимной согласованности предметно связанных между собой норм различной отраслевой принадлежности**, поскольку конституционное равноправие **может быть обеспечено лишь при условии** единообразного понимания и толкования правовой нормы **всеми** правоприменителями; в противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что **противоречит конституционному принципу равенства, предполагающему одинаковый подход к лицам, находящимся в равных или сходных условиях**, и ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (...). Особую значимость **требования** четкости и недвусмысленности правовых норм, их **согласованности в системе правового регулирования** имеют для уголовного законодательства, являющегося **по своей природе** исключительным средством, с помощью которого государство реагирует на **факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений**, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности (абзац 2 там же)... закрепляя и изменяя составы правонарушений и **меры ответственности** за их совершение, федеральный законодатель **связан** вытекающим из статьи 55 (часть 3) Конституции РФ **критерием соразмерности** ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям, а также **обязан** соблюдать гарантируемое ее статьей 19 (часть 1) равенство всех перед законом и судом, означающее, что любое правонарушение и **санкции за его совершение должны быть определены в**

законе таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста нормы - в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, - каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий, бездействия (абзац 4 там же); виды юридической ответственности и сопутствующие им наказания должны обладать разумным сдерживающим потенциалом, достаточным для соблюдения соответствующих запретов; в противном случае их применение не будет отвечать предназначению государственного принуждения, которое заключается, главным образом, в **превентивном** использовании присущих ему юридических средств для защиты прав и свобод человека и гражданина, иных конституционно признаваемых ценностей гражданского общества и правового государства (абзац 5 там же); в случаях, когда предусматриваемые законом меры публично-правовой ответственности перестают отвечать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, федеральный законодатель вправе обеспечить их приведение в соответствие с новыми социальными реалиями, соблюдая при этом конституционные принципы равенства, справедливости и гуманизма (абзац 6 там же); названные конституционные принципы определяют дифференциацию юридической ответственности в зависимости от существенных обстоятельств, влияющих на выбор той или иной меры государственного принуждения, а потому, предусматривая конкретный вид юридической ответственности, федеральный законодатель обязан соотносить его с характером правонарушения, опасностью для находящихся под охраной закона ценностей, с личностью и степенью вины правонарушителя, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс прав привлекаемого к ответственности гражданина и публичного интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств (абзац 7 там же)... федеральный законодатель, принимая решение о криминализации деяния, **обязан** учитывать типовую оценку его общественной опасности и, если отдельные признаки преступления свидетельствуют о том, что степень его общественной опасности существенно изменяется по сравнению с типовой оценкой, **провести** - в силу принципа справедливости - **дифференциацию уголовной ответственности**, с тем, однако, чтобы при этом не нарушались принципы равенства и правовой определенности» (абзац 8 там же).

Также, «... **принцип верховенства права**, один из основополагающих принципов демократического общества, **присущ всем статьям Конвенции**. Следовательно, вопрос, был ли нарушен **справедливый баланс** между общественными интересами и требованиями защиты **основных прав человека**, становится актуальным, только если было установлено, что рассматриваемое вмешательство удовлетворяет требованиям законности, и не было произвольным (...) (§ 50 **Постановления от 14.10.10 г. по делу «Щокин против Украины»**). Концепция «закона» в статье 1 Протокола № 1 такова же, что и в Конвенции (...). Эта концепция требует, во-первых, чтобы принятые меры основывались на национальном законодательстве. Она также касается **качества** соответствующего закона, **требуя**, чтобы он был доступным заинтересованным лицам, точным и **предсказуемым в применении** (...) (§ 51 там же)... вопросы толкования и применения внутреннего законодательства находятся, в первую очередь, в компетенции национальных органов. Однако Суд обязан проверить, соответствуют ли **последствия** толкования и применения внутреннего права **принципам Конвенции**, с точки зрения практики Суда (...) (§ 52 там же)... нормативно-правовые акты явно противоречили друг другу. В результате, местные власти применяли, по своему усмотрению, противоположные подходы при корреляции этих правовых актов... отсутствие необходимой ясности и точности внутреннего законодательства, предлагающего различные толкования по таким важным ... вопросам, противоречило требованию «качества закона» в рамках Конвенции и не обеспечивало адекватную защиту от произвольного вмешательства органов государственной власти в права...» (§ 56 там же).

Однако, поскольку in verbis, non verba, sed res et ratio, quaerenda est - в

высказываниях не слова, а **предмет** и **смысл** должны выясняться и **решающим** для **правильного** определения **существа** подлежащих установлению правоотношений является применяемая терминология (§§ 44 – 46 **Постановления от 27.02.80 г. по делу «Девеер против Бельгии»**, § 69 **Постановления от 15.07.82 г. по делу «Экле против Германии»**), поэтому важно, чтоб используемая **терминология была наполнена правовым содержанием**, так как недопустимо quid pro quo – одно вместо другого, смешение понятий. То есть в праве недопустимо применение неологизмов, приводящих к параноийальным выводам. Однако, поскольку к **одинаковым по своей фактической природе правоотношениям** применяется разная терминология, поэтому мы имеем реальную параноидную Шизофрению на практике. Также необходимо всегда помнить о том, что когда речь идет о наказании, то «квалификация согласно национальному законодательству не имеет решающего значения для целей статьи 6 Конвенции, и **природа рассматриваемого нарушения является более важным фактором (...)**» (§ 41 **Постановления от 03.10.13 г. по делу «Каспаров против РФ»**, § 57 **Постановления ЕСПЧ от 19.11.15 г. по делу «Михайлова против РФ»**), поскольку именно она определяет подлежащие применению нормы права (п. 2 ст. 148, ч. 1 ст. 196 ГПК РФ).

При этом в любом случае избираемое наказание **должно** отвечать критериям **равенства, необходимости, соразмерности, пропорциональности и справедливости**. Но это в России оказалось невозможным, так как применяемые понятия истолковываются паралогически, то есть с нарушением причинно-следственных связей и без учета иных норм, находящихся с применяемой нормой в нормативном единстве, порой исключаящей применение общей нормы, поскольку является по отношению к ней специальной, что достаточно ясно объяснено в **Определении КС РФ № 439-О от 08.11.05 г.**, так и не нашедшего широкого применения в правоприменительной практике.

Между тем «... **в случаях, когда вмешательство в право, на которое ссылается заявитель, вытекает непосредственно из закона, оставление этого закона в силе может представлять собой непрерывное вмешательство в осуществление соответствующего права (...)**» (§ 109 **Постановления от 27.08.15 г. по делу «Паррилло против Италии»**).

При этом, «**Подтверждая право, которое ставит под сомнение рассматриваемые законы, Конвенция стремится защитить сугубо личные проявления человеческой личности**» (§ 60 **Постановления от 22.10.81 г. по делу «Даджен против Соединенного Королевства»**).

Однако в любом случае «... **пределы усмотрения зависят не только от цели ограничительных мер, но и от природы самого деяния...**» (§ 52 там же).

Также, «... простой "риск" действий, **запрещенных Конвенцией**, может сделать лицо, находящееся в опасности, жертвой, если они достаточно реальны и непосредственно затрагивают эти лица...» (§ 32 **Постановления от 29.04.09 г. по делу «Бёрдены против Соединенного Королевства»**)... желательно, чтобы национальные суды **изначально** имели возможность **разрешать вопросы совместимости национального законодательства с Конвенцией...**» (§ 42 там же).

«... **истинная сущность Конвенции состоит в уважении человеческого достоинства и свободы человека...**» (§ 70 **Постановления от 11.07.02 г. по делу «I. против Соединенного Королевства»**).

«... **задача и цель Конвенции, являющейся инструментом защиты прав человека, требуют**, чтобы ее положения **трактовались и применялись** так, чтобы их условия были бы не теоретическими и декларативными, а эффективными и применяемыми на практике (...)...» (§ 50 **Постановления от 11.01.07 г. по делу «Российская консервативная партия предпринимателей и другие против РФ»**).

Следует иметь ввиду и то, что «... **декларированная в статье 8 необходимость уважения ... предполагает**, в частности, **наличие во внутреннем законодательстве правовых гарантий** ... Для этого у государства имеется выбор самых различных средств. **Положения закона, которые не удовлетворяют указанным требованиям, нарушают статью 8 п. 1.** При этом отпадает необходимость анализировать эти положения законодательства в контексте статьи 8 п. 2...» (§ 31 **Постановления от 13.06.79 г. по делу «Маркс против Бельгии»**).

5.1 Статья 72 УК РФ во взаимосвязи со ст.ст. 54, 56, 79 УК РФ и ч. 10 ст. 109 УПК РФ в нарушение статей 2, 18, 19, 50 (часть 1) Конституции РФ нарушают принципы **равенства, необходимости, соразмерности, пропорциональности и справедливости** и, соответственно, законности, приравнивая условия содержания под стражей к условиям ареста, влекущего строгую изоляцию, к условиям более легкого наказания таким, как не только колонии общего режима, колонии-поселения, но и домашнего ареста, что проявляется в учете отбытого в СИЗО времени из расчета один день к одному, хотя **условия содержания везде совершенно различные**, а поэтому приведенный в ч. 3 ст. 72 УК РФ зачет не может быть не только соразмерным, пропорциональным и справедливым, но и элементарно разумным.

То есть такой зачет является неконституционным и **дискриминационным по своему правовому содержанию и природе**. Поскольку **«самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы вполне может быть достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции РФ (...)**» (абзац 4 п. 4 **Постановления КС РФ № 16-П от 19.04.18 г.**), а определенностью можно считать приведение причин, по которым содержание в условиях пытки, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения (**арест, как мягкая форма содержания под стражей**) приравнивается к возможности свободного передвижения (колония-поселение), но этих причин нигде днем с огнем найти невозможно, поэтому можно утверждать, что как отсутствует **правовая определенность** в рассматриваемом вопросе, так и наличествует несоответствие перечисленных в ч. 3 ст. 72 УК РФ зачетов наказания Конституции РФ.

Сам смысл ч. 3 ст. 72 УК РФ предусматривает равнозначность ареста и всех видов лишения свободы, что является Абсурдом. То есть условия содержания колонии-поселения, воспитательной колонии, лечебном исправительном учреждении, исправительных колониях общего, строгого и особого режимов, тюрьме (ч. 1 ст. 56, ч. 3 ст. 72 УК РФ), домашнего ареста и психиатрических стационаров (ч. 10 ст. 109 УПК РФ), ареста (ч. 1 ст. 54, ч. 3 ст. 72 УК РФ) не могут быть объединены **едиными условиями содержания** в СИЗО и ИВС, где эти условия гораздо хуже, чем условия ареста, что объяснено выше. А поэтому вид **фактического** наказания в виде содержания под стражей **является дискриминационным по своей природе** и делающий **невозможным** дифференциацию наказания, связанного с лишением свободы. Сам факт того, что ч. 3 ст. 72 УК РФ приравнивает арест к содержанию под стражей является **доказательством** того, что Бохонов А.В. отбыл не одно **предельное** наказание, предусмотренное ч. 1 ст. 318 УК РФ **во взаимосвязи** с ч. 1 ст. 54, ч. 3 ст. 72 УК РФ.

Реальной параноидной Шизофренией является и то, что не только при решении вопроса о продлении содержания под стражей, но и при вынесении приговора невозможно инициирование рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении, несмотря на то, что **вопрос о предельном виде наказания должен рассматриваться во всех случаях и предельный вид наказания и является тем мерилом**, который **определяет основание** для условно-досрочного освобождения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что приведенный в ч. 3 ст. 72 УК РФ зачет срока содержания под стражей в выносимые приговоры фактически является легализацией назначения двойного наказания, что запрещено ч. 1 ст. 19, ч. 1 ст. 50 Конституции РФ.

5.2 Несправедливость данной нормы признала Государственная Дума, пытавшаяся внести изменения в уголовный кодекс в течение ряда лет. Однако, далее последовало **её бездействие**, которое привело вот к такому грубому **нарушению конституционных прав и свобод** Бохонова А.В.

5.3 На сайте ГосДумы можно прочитать: «Исходя из вышеизложенного, вышеуказанный законопроект № 73983–5 будет включен в план рассмотрения законопроектов

Государственной Думой после согласования между всеми заинтересованными министерствами и ведомствами в части объемов финансирования мероприятий связанных с реализацией положений законопроекта. Рассмотрение указанного законопроекта не включено в план работы Государственной Думы на **осеннюю сессию 2016 года**».

<http://www.duma.gov.ru/services/questions/73983-5/>

5.4 Однако, воз и ныне там, хотя «... пункт 4 статьи 5 Конвенции **обязывает** государства-участники организовывать свои судебные системы таким образом, чтобы их суды **могли исполнять обязанность безотлагательного рассмотрения вопросов, связанных с содержанием под стражей** (...) (§ 67 **Постановления от 26.02.09 г. по делу «Эминбейли против РФ»**).

«... в силу пункта 4 статьи 5 Конвенции арестованное или задержанное лицо имеет право возбуждать дело для рассмотрения судом процессуальных и материальных условий, которые необходимы для установления **«законности», в смысле статьи 5 § 1 Конвенции** о лишении его свободы (...). Хотя не всегда необходимо, чтобы в процедуре, предусмотренной в пункте 4 статьи 5, присутствовали те же гарантии, что и те, которые требуются в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции для уголовного или гражданского судопроизводства, она должна носить судебный характер и предоставлять гарантии, соответствующие виду лишения свободы (...). В случае, когда содержание лица подпадает под действие пункта 1 (с) статьи 5, требуется слушание (...) (§ 60 **Постановления от 17.04.18 г. по делу «Караченцев против РФ»**).

Когда рассматривается законность содержания под стражей в ожидании расследования и судебного разбирательства, разбирательство **должно** быть состязательным и **должно всегда** обеспечивать равенство сторон между сторонами - прокурором и задержанным. Это означает, в частности, что **задержанный должен иметь доступ к документам в материалах расследования, которые необходимы для оценки законности его задержания**. Задержанный **должен также иметь возможность** прокомментировать аргументы, выдвинутые обвинением. Может потребоваться какая-то форма юридического представительства задержанного, а именно, когда он не может защитить себя должным образом или в других особых обстоятельствах (...) (§ 61 там же).

Поэтому приходится повторить, что «Существование нарушения возможно даже в отсутствие вреда или ущерба; вопрос о том, был ли в действительности заявитель поставлен в неблагоприятное положение или претерпел ущерб, приобретает значение только в контексте **статьи 41** Конвенции (...) (§ 151 **Постановления от 19.03.09 г. по делу «Полонский против РФ»**)... национальные органы явно отказались рассматривать вопрос о том, превышала ли длительность содержания заявителя под стражей "разумный срок" (...)... **однако проверка разумности срока никогда не проводилась** (§ 154 там же)... не исследовав конкретные факты и не рассмотрев альтернативных "мер пресечения" и руководствуясь в основном тяжестью предъявленных обвинений, власти продлевали срок содержания заявителя под стражей по основаниям, которые хотя и имели значение для дела, не могли рассматриваться как "достаточные" **для оправдания длительности более чем пятилетнего срока**... (§ 156 там же)... сложность дела сама по себе не оправдывает длительность разбирательства. Кроме того, то обстоятельство, что заявитель содержался под стражей, **требовало** особой тщательности со стороны должностных лиц, рассматривавших это дело, для безотлагательного отправления правосудия (...) (§ 165 там же)... Материалы дела не позволяют заключить, что суд использовал предусмотренные национальным законодательством меры для обеспечения явки свидетелей в целях рассмотрения дела в разумный срок (...)... за задержки, вызванные неявкой свидетелей на заседания и необеспечением их явки судом первой инстанции, несет ответственность государство» (§ 170 там же).

«Национальные судебные органы **должны** в первую очередь следить за тем, чтобы в каждом конкретном случае срок предварительного заключения обвиняемого не

превышал **разумных** пределов... (§ 35 **Постановления от 26.06.1991 г. по делу «Летелье против Франции»**)... Если содержание под стражей продолжается только из-за опасения, что обвиняемый скроется от правосудия, его **тем не менее следует освободить** из-под стражи, если он представит соответствующие гарантии, что не скроется от суда ...» (§ 46 там же), например, будет носить электронный браслет (п. 38 **Замечаний общего порядка КПЧ № 35**).

6. Поскольку в Конституционном Суде РФ есть разное понимание способов рассмотрения обращений, поэтому мы предоставляем **объяснения, которые являются правильными**, а не параноийальными, то есть **искажающими** подлежащие применению нормы действующего законодательства и делающие **невозможными** установление фактических обстоятельств, которые только и делает возможным установление подлежащих **правильному** применению норм права.

«Все перечисленные конституционные установления, изложенные в главе 2 Конституции Российской Федерации, согласно ее статье 64, отнесены к **основам правового статуса личности** в Российской Федерации и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации. В связи с этим положения любого закона и подзаконного акта, действия органов власти и их должностных лиц (в том числе правоприменительная практика), касающиеся прав и свобод человека и гражданина, **должны** быть четкими по смыслу, содержанию и строго соответствовать указанным конституционным предписаниям. Согласно статье 74 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" Конституционный Суд Российской Федерации при принятии решения **оценивает рассматриваемый акт не только по существу, но и по смыслу, придаваемому ему "официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов"**.

Статья 75 названного Закона устанавливает двенадцать **обязательных** сведений, которые **должны** содержаться в решении, и среди них **важнейшее - "фактические и иные обстоятельства, установленные Конституционным Судом Российской Федерации"** (пункт 7 части первой). Это предписание не исключает, а **наделяет Конституционный Суд Российской Федерации правом и обязанностью исследования фактических и иных обстоятельств, способствующих прояснению не только качества исследуемого закона или отдельных его положений, но и смысла, в том числе придаваемого им толкованием и правоприменением.**

Таким образом, исходя из **системного толкования** означенных положений Конституции и Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", **оспариваемые** гражданкой И.Г. Черновой примененные к ней **положения Федерального закона "Об оперативно - розыскной деятельности"** **следует оценивать не только по содержанию (по существу), но и по смыслу, приданному им должностными лицами правоприменительных органов, толкованием и правоприменением, через призму исторической необходимости и условий принятия этого Закона, качества его норм, с позиций общепризнанных правил юридической техники (четкости и ясности языка, исключения двусмысленности и пр.), оценивая смысл действий правоприменителя и наступивших для заявительницы последствий, т.е. с учетом тех фактических обстоятельств, которые были предметом исследования в настоящем процессе или нашли отражение в документах, приобщенных к материалам дела и объективность которых установлена в ходе судебного разбирательства».** (абзацы 3 -5 особого мнения судьи Конституционного Суда РФ Олейника В.И. на **Определение № 86-О от 14.07.98 г.**).

При этом в любом случае власти **обязаны** ссылаться на **какую-либо практику или иной источник права**, которые могли бы обосновать законность их намерений (§§ 54, 55 **Постановления от 26.06.14 г. по делу «Щербина против РФ»**). Конституционный Суд РФ, когда **хочет** решить какой-либо вопрос, то он

рассматривают практику, как это он сделал, например, в п. 5 мот. части **Постановления № 24-П от 17.10.17 г.**, поскольку **только при рассмотрении фактического положения Жертвы опять-таки в контексте сложившейся практики** и можно **правильно** разрешить дело. Без оценки практики **невозможно** вынесение **справедливого** решения потому, что, например, домашний арест Васильевой (http://vnssr.my1.ru/news/vasileva_rodstvennica_medvedeva_so_storony_zheny/2012-12-15-10922) в 13 комнатах **не может быть равнозначен** аресту Бохонова А.В. во всевозможных грязных и вонючих СИЗО и ИВС.

Также напоминаем, что «Граждане и юридические лица **по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права** (пункт 1 статьи 9 ГК РФ) и, соответственно, **свободны в выборе способа их защиты (одного или нескольких)**, притом, однако, что порядок судебной защиты прав и свобод определяется на основе Конституции РФ федеральными законами (абзац 1 п. 2.1 мот. части **Постановления КС РФ № 37-П от 06.12.17 г.**). В числе **способов** защиты гражданских прав, которые могут быть задействованы лишь при участии юрисдикционных органов, статья 12 ГК РФ **называет признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления, а равно неприменение судом акта этого органа, противоречащего закону. Осуществляемая судом оценка нормативного правового акта** на предмет его непротиворечия нормативному правовому акту большей юридической силы (...), **выступая частью процедуры выбора применимых норм права**, относится к исключительным прерогативам суда, к самому **существованию** судопроизводства, **ключевая цель которого - защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов**. Следовательно, **праву лица**, участвующего в деле и **распоряжающегося процессуальными правами** на всех стадиях процесса **самостоятельно**, на основе конституционно значимого принципа диспозитивности, **поставить перед судом вопрос о неприменении нормативного правового акта**, противоречащего нормативному правовому акту большей юридической силы, и о принятии решения в соответствии с последним **корреспондирует безусловная обязанность** суда **рассмотреть этот вопрос**, отразив **в решении мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле** (...). Исполнение данной **обязанности** обеспечивается, кроме прочего, возможностью отмены или изменения судебного решения вышестоящим судом **в связи с неприменением закона, подлежащего применению** (...)» (абзац 2 там же).

Таким образом, при отказе в применении доводов стороны защиты о подлежащих применению нормах права и их истолковании суд **обязан** указать **причины**, по которым он отвергает эти доводы, по есть приведенные в абзаце 1 данного пункта доводы Олейника В.И.

Напоминаем и о том, что «... **верховенство права**, одна из **основ демократического общества, воплощается во всех статьях Конвенции** (...). Данный **принцип** возлагает на государство **обязанность ввести в действие законодательную базу** и, если необходимо, подзаконные акты для **обеспечения его обязательств** на основании Конвенции в целом... Толкование этой законодательной базы компетентными внутригосударственными органами, в первую очередь судами, **не должно быть произвольным** или характеризоваться **отсутствием пропорциональности**, эти решения **должны быть достаточно мотивированными**» (§ 75 **Постановления от 08.11.16 г. по делу «Российская объединенная демократическая партия "Яблоко" и другие против РФ**»).

«... национальные суды **должны** толковать и применять внутреннее законодательство, если это применимо в соответствии с законодательством ЕС и принять решение о необходимости предварительного извещения Суда Европейского союза, чтобы дать им возможность принять решение... Конвенция не гарантирует, таким образом, право иметь дело, переданное национальным судом в другой национальный суд или в Суд Европейского союза для предварительного решения... этот вопрос, однако, не связан с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, поскольку отказ внутреннего суда в передаче дела может при определенных обстоятельствах нарушать справедливость

разбирательства, если отказ оказывается произвольным. Такой **отказ может считаться произвольным** в тех случаях, когда применимые правила не допускают никаких исключений в отношении передачи или **когда отказ основан на иных причинах, чем те, которые предусмотрены правилами, или когда отказ не был должным образом мотивирован**. Действительно, право на мотивированное решение служит общему правилу, закреплённому в Конвенции, которое защищает человека от произвола, демонстрируя сторонам, что **они были выслушаны** и обязывает суды основывать свое решение на **объективных причинах** (...)... **верховенство закона и избежание произвола власти** являются принципами, лежащими в **основе** Конвенции (...). В судебной сфере эти принципы служат укреплению доверия общественности к **объективной** и **прозрачной** системе правосудия, одной из основ демократического общества (...)» (§ 39 **Постановления от 24.04.18 г. по делу «Баидар против Нидерландов»**).

При этом «Факт доступа к внутреннему средству правовой защиты, только для того, чтобы сказали, что обращение не принимается в силу закона, не всегда удовлетворяет требованиям статьи 6 пункт. 1. Степень доступа, предусмотренная национальным законодательством, **должна** обеспечивать потребность каждого человека "права на суд" в достаточной мере, принимая во внимание принцип верховенства права в демократическом обществе. **Право доступа тогда эффективно, когда человек имеет четкую и реальную возможность оспорить акт, который является вмешательством в его права** (...)» (§ 36 **Постановления от 04.12.95 г. по делу «Белле против Франции»**).

В деле Бохонова А.В. была только сторона обвинения и не было стороны защиты, поскольку сторона обвинения сторону защиты **в полном составе вышвырнула из судебных процессов**. Естественно, что в вынесенных решениях доводов стороны защиты – нет, а поэтому был цинично нарушен принцип состязательности и равноправия сторон. То есть сторону защиты сторона обвинения не слышала и слышать не хотела. Прозрачной системы правосудия в деле Бохонова А.В. не было изначально, поскольку **преступления сторона обвинения совершала в конспиративных условиях**, в чем можно убедиться на канале «Общественный Контроль Правопорядка». Но поскольку сторона защиты в деле не участвовала, поэтому ни о какой объективности, а вместе с этим и верховенстве закона не может быть и речи.

7. Почему заявители по жалобе, то есть защитники Бохонова А.В. должны быть освобождены от каких-либо расходов в связи с обращением в Конституционный Суд РФ?

Во-первых, Бохонов А.В. находится в заключении и не имеет вообще никакого источника дохода. Мало того, у него откровенно преступными способами изъяли часть принадлежащего ему на праве личной собственности имущество, когда откровенно преступными способами возбудили в отношении его защитника Усманова Р.Р. **одиннадцатое** по счету уголовное дело по ч. 2 ст. 297 УК РФ за якобы оскорбление судьи Шелковского горсуда Никачало Т.В. в связи с чем защитник Иванова И.А. **вынуждена** была переводить деньги Бохонову А.В. на покупку новой аппаратуры, **которая также у него теперь незаконно изъята**. При этом «Ограничения исключительно финансового характера, не имеющие никакого отношения к перспективам иска на успех, должны быть **предметом особого тщательного контроля** с точки зрения интересов правосудия (...)» (§ 112 **Постановления от 20.02.14 г. по делу «Шишков против РФ»**).

Во-вторых, у Усманова Р.Р. Банда председателя Нижегородского облсуда Бондар А.В. забрала всё принадлежащее ему на праве личной собственности имущество и документы, за исключением двух паспортов и теперь Усманов Р.Р. **вынужден** стать беженцем **пока** на территории Литвы. Также Усманова Р.Р. российские власти лишили права на получение пенсии, поскольку требуют от него представить им документы, которые находятся у них. Более полно это объяснено в жалобе № 2890-3, которую Усманов Р.Р. подавал в Конституционный Суд РФ 21.07.16 г. и **подаст**, как только определится с местом жительства, как это ему рекомендовал Конституционный Суд РФ (<https://goo.gl/TAF7T6>).

В-третьих, в связи с тем, что Зяблицев С.В. активно защищал Бохонова А.В. органы российской власти **откровенно преступными способами** решили лишить его свободы и личной неприкосновенности, в связи с чем он **вынужден** был бросить в

России **всё** свое имущество и стать беженцем на территории Франции. Но поскольку Российская Федерация присвоила себе и имущество Зяблицева С.В. и его семьи, поэтому у неё нет права с него требовать что-то еще.

В-четвертых, так как органы власти **откровенно преступными способами** лишили Бохонова А.В. права на помощь избранных им защитников и активно препятствовали стороне защиты ознакомиться с материалами уголовного дела, поэтому защитник Иванова И.А. **вынуждена** была заключать соглашения с разными адвокатами для того, чтоб они, ознакомившись делом, предоставили стороне защиты эти материалы. Однако до настоящего времени сторона защиты не может ознакомиться с материалами дела, поскольку органы власти, во-первых, препятствуют ей в этом, а, во-вторых, кроме расходов на адвокатов Иванова И.А. ничего не имеет, поскольку дело нанятым адвокатам не дают, их запугивают и теперь сторона защиты **втянута** еще в выяснение отношений с ними по вопросу возврата денег. Но поскольку **пока** Усманов Р.Р. занят написанием диссертаций по различным правовым вопросам, **без чего он не может создать практику обращений в суды на территории иностранных государств для обжалования преступных действий органов российской власти**, поэтому до разрешения **необходимых** правовых вопросов соответствующие иски не поданы, а Иванова И.А. **вынуждена** нести **несоразмерные** расходы.

8. Так как, во-первых, сторона защиты **перед государством** свои **обязанности выполнила** и **неоднократно** предоставила **все** необходимые документы; во-вторых, сторона защиты не может получить доступ к документам, находящимся у стороны обвинения, то есть государства, которые она тщательно скрывает, поскольку сторона обвинения возомнила, что законы на неё не распространяются и она имеет право на совершение **любых** преступлений, Произвол, Безнаказанность и Вседозволенность, но при этом «В некоторых случаях только Правительство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть утверждения заявителя; следовательно, строгое применение принципа *affirmanti, non neganti, incumbit probatio* невозможно (...). Хотя эти принципы в основном применялись в контексте статей 2 и 3 Конвенции (...), Суд отмечает, что существует ряд примеров, когда их применяли к другим правам, закрепленным Конвенцией (...) (§ 143 **Постановления от 23.06.16 г. по делу «Бака против Венгрии»**).

Эти принципы особенно актуальны в этом деле, поскольку **ни один национальный суд никогда** не рассматривал утверждения заявителя и причины ... Именно учитывая эти обстоятельства, Большая палата соглашается с подходом Палаты, согласно которому обстоятельства дела и последовательность событий надо оценивать и рассматривать «в их совокупности» (...)» (§ 144 там же); в-третьих, в настоящее время органы власти **обязаны** предоставлять документы посредством сети «Интернет» в режиме ограниченного доступа, то есть обеспечивать фундаментальное право на пользование благами научного прогресса, защищаемого п. 1 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека, что мной было объяснено в п. 1.1.8 заявления № 3041 (<https://goo.gl/mpWnLW>); в-четвертых, «... государство, ответственное за противоправное деяние, **обязано** сделать реституцию, **состоящую в восстановлении ситуации, которая существовала до совершения противоправного деяния** (§ 75 **Постановлении от 20.04.10 г. по делу «Ласка и Лика против Албании»**)... государство-ответчик **должно устранить любые препятствия** в своей внутренней правовой системе, которые могут помешать исправлению положения заявителей (...) или ввести новое **средство правовой защиты, которое позволило бы заявителям восстановить ситуацию**. Кроме того, Договаривающиеся государства **обязаны** организовывать свои судебные системы таким образом, **чтобы их суды могли удовлетворять требованиям Конвенции**. Этот принцип также применяется к возобновлению **разбирательства и повторному рассмотрению дела заявителей**» (§ 77 там же); в-пятых, право требования Жертв об истребовании и исследовании **необходимых** документов от органов власти предусмотрено не только п. 2 ст. 5, п.п. 2, 3 ч. 1 ст. 10 Закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», но и абз. 2 п. 7 мот. части Определения КС РФ № 145-О от 20.04.01 г., поэтому Конституционный Суд РФ, как гарант защиты конституционных прав не только вправе, но и **обязан** получить **необходимые** документы по своей инициативе, что он делал неоднократно.

Для достижения конституционной цели признания, соблюдения и защиты нарушенных прав (статьи 2, 21 (часть 1), 45 Конституции РФ) посредством восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право на обращение в суд или создающих угрозу его нарушения (абзац 3 ст. 12 ГК РФ), Конституционному Суду РФ необходимо самостоятельно истребовать из Щелковского, Ногинского горсудов и Мособлсуда **все** материалы, связанные с избранием и продлением Бохонову А.В. меры пресечения в виде содержания под стражей. Адрес Щелковского горсуда: 141100, г. Щелково, пл. Ленина, д. 5, тел.: (496) 562-94-66 (т/ф.), E-mail: shelkovo.mo@sudrf.ru, schelkovosud@yandex.ru. Адрес Ногинского горсуда: 142412, г. Ногинск, ул. Климова, д. 53, тел.: (49651) 1-94-68, E-mail: noginsk.mo@sudrf.ru. Адрес Московского областного суда: 143402, Московская область, Красногорский р-н, п/о "Красногорск-2", МКАД 65-66 км, Тел.: (498) 692-60-00, E-mail: post@mosoblsud.ru.

9. Поскольку нормы международного права являются **составной частью правовой системы** Российской Федерации и при этом **имеют большую юридическую силу** в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, эти нормы имеют императивный характер, исключающий дискреционные полномочия правоприменителя и отступление от которых недопустимо в силу ст. 53 Венской конвенции о международных договорах, «при осуществлении правосудия суды **должны** иметь в виду, что неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта» (абзац 3 п. 5 мот. части Определения КС № 1248-О от 28.06.12 г.), поэтому, руководствуясь ст.ст. 8, 9 Декларации о праве, п. 3 ч. 1 ст. 3, ст. 36, п. 2 ст. 39, ст. ст. 41-42, 96, 97 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»

Просим:

1. Освободить сторону защиты от уплаты госпошлины по основаниям, обоснованным в п. 7 выше.
2. В связи с тем, что средства правовой защиты должны предотвращать нарушение прав (заяв.№3040СредстваПравЗащ: <https://goo.gl/Dd2urX>), поэтому исполнить п. 3 ст. 2 Пакта, ст. 13 Конвенции, п. 3 ст. 42 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» и принять меры к приостановлению действия приговора Щелковского горсуда от 29.03.2018 г. до рассмотрения жалобы в Конституционном Суде РФ, то есть освобождению Бохонова А.В. из заключения, поскольку продолжение **незаконного** лишения его свободы и личной неприкосновенности имеет необратимый характер.
3. Признать взаимосвязанные положения статей 54, 56, 72 (часть 3), 103, 318 (часть 1) УК РФ, ч. 10 ст. 109 УПК РФ по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, как позволяющие содержать Бохонова А.В. с момента задержания и до момента подачи жалобы в Конституционный Суд РФ в условиях гораздо худших, чем самые жесткие условия не только тюремного заключения, но и ареста, как видов лишения свободы и приравнять эти условия к условиям колонии-поселения как вида наказания по приговору, что в нарушение п. «b» ст. 32 Венской конвенции о международных договорах является абсурдным и неразумным, является нарушением равенства, необходимости, соразмерности, пропорциональности и справедливости при избрании вида наказания, влечет злоупотребление правом, должностными полномочиями, Произвол (заяв.№3040Произвол5: <https://goo.gl/jVVPkr>) и нарушение фундаментальных и конституционных прав, защищаемых статьями 2, 5, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 26 Пакта, статьями 3, 5, 6, 7, 10, 13, 14, 17, 18 Конвенции, ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции, статьями 1 (часть 1), 2, 3 (части 1 и 2), 15 (части 1, 2 и 4), 17, 19 (часть 1), 21, 22, 24 (часть 2), 29 (части 1, 3 и 4), 30 (часть 1), 32 (часть 5), 33, 37, 41, 42, 43, 45, 46 (части 1 и 2), 47, 48, 49 (части 1 и 3), 50, 52, 53, 55, 64, 120, 123 (часть 3) Конституции РФ.
4. Признать взаимосвязанные положения статей 54, 56, 72 (часть 3), 103, 318 (часть 1)

УК РФ, ч. 10 ст. 109 УПК РФ по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, как позволяющие назначать несоразмерное, то есть **непропорциональное наказание** с момента помещения в СИЗО, ИВС и психиатрические стационары и до вступления приговоров в законную силу, поскольку условия содержания в СИЗО, ИВС и психиатрических стационарах не могут быть равнозначны не только условиям ареста, как крайней формы тюремного заключения, но эти условия **непропорциональны** и домашнему аресту, как самой мягкой формы ограничения свободы и поэтому лица, которых помещают в СИЗО, ИВС и психиатрические стационары находятся в дискриминационном положении по отношению к лицам, которым инкриминированы те же уголовно наказуемые деяния, но которых не лишили свободы и личной неприкосновенности, а поэтому обжалуемые нормы нарушают фундаментальные и конституционные права, защищаемые статьями 2, 5, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 26 Пакта, статьями 3, 5, 6, 7, 10, 13, 14, 17, 18 Конвенции, ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции, статьями 1 (часть 1), 2, 3 (части 1 и 2), 15 (части 1, 2 и 4), 17, 19 (часть 1), 21, 22, 24 (часть 2), 29 (части 1, 3 и 4), 30 (часть 1), 32 (часть 5), 33, 37, 41, 42, 43, 45, 46 (части 1 и 2), 47, 48, 49 (части 1 и 3), 50, 52, 53, 55, 64, 120, 123 (часть 3) Конституции РФ.

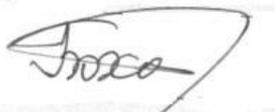
5. Признать статью 79 УК РФ по смыслу, придаваемому ей сложившейся правоприменительной практикой, как лишающую Жертв возможности реализовать свое право на условно-досрочное освобождение, которое **должно** определяться **фактически отбытым наказанием** в условиях СИЗО, ИВС и психиатрических стационаров и исходя из возможного срока наказания за инкриминированное уголовно наказуемое деяние, а не вступлением приговора в законную силу, который выносится в условиях тотального Произвола, где нарушаются **все** допустимые сроки и порядок обжалования, что влечет дискриминацию и нарушение фундаментальных и конституционных прав, защищаемых статьями 2, 5, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 26 Пакта, статьями 3, 5, 6, 7, 10, 13, 14, 17, 18 Конвенции, ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции, статьями 1 (часть 1), 2, 3 (части 1 и 2), 15 (части 1, 2 и 4), 17, 19 (часть 1), 21, 22, 24 (часть 2), 29 (части 1, 3 и 4), 30 (часть 1), 32 (часть 5), 33, 37, 41, 42, 43, 45, 46 (части 1 и 2), 47, 48, 49 (части 1 и 3), 50, 52, 53, 55, 64, 120, 123 (часть 3) Конституции РФ.
6. Истребовать из Щелковского горсуда, Ногинского горсуда и Мособлсуда **все** материалы, связанные с избранием и продлением Бохонову А.В. меры пресечения в виде содержания под стражей, что объяснено в п. 8 выше и **обязать** сторону обвинения обеспечить стороне защиты возможность ознакомиться с этими материалами посредством интернет-технологий с использованием ограниченного доступа, что объяснено в п. 1.1.8 заявления № 3041 (<https://goo.gl/mpWnLW>).
7. Принять решение о приемлемости жалобы в пленарном заседании.
8. Просим в определении о незаконном отказе в принятии жалобы не писать о том, что предусмотрено той или иной нормой закона, поскольку мы и другие об этих нормах итак очень хорошо осведомлены. Но поскольку эти нормы на практике **не действуют** и обязать «правоприменителей» их исполнять – невозможно, именно поэтому их необходимо – по смыслу, **придаваемому им правоприменительной практикой** – признать неконституционными.

Приложение:

1. Европейские тюремные правила для осужденных лиц.
2. Европейские тюремные правила для неосужденных лиц.
3. Условия отбывания наказания в колонии–поселении.
4. Условия содержания в СИЗО.
5. Отличие условий содержания.
6. Обсуждение в ГД РФ законопроекта.
7. Ходатайство об условно-досрочном освобождении от 15.04.2018 г.

8. Копия постановления об отказе в рассмотрении ходатайства от 19.04.2018.
9. Приговор Щелковского суда от 29.03.2018.
10. Уведомление ЕСПЧ о рассмотрении жалобы на нарушение ст. 5 ЕКПЧ.
11. Заявление 3041.
12. Соглашение
13. Доверенность
14. Материалы уголовного дела: <https://goo.gl/BUaxoY>
15. Защита МОД «ОКП» Бохонова А.В.: <https://goo.gl/2Vg4DP>

Бохонов А. В

МОД «ОКП» в лице председателя Ивановой И. А.

Представители МОД «ОКП», защитники

Усманов Р. Р.

Зяблицев С. В.

